

Сергей Шангин

**ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ
СИНХРОНИЗАЦИЯ**

Сергей Шангин
Окончательная синхронизация.
Фантастический боевик

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8179242
ISBN 9785447400835*

Аннотация

Умение читать чужие мысли на расстоянии не только полезно, но и вредно. Особенно для тех, чьими способностями пользуются спецслужбы. Попав в круговорот политических течений и столкновений интересов спецслужб, три человека пытаются спасти мир от возможной катастрофы. Против них выступают не только иностранные спецслужбы, но и свои родные ведомства. Чтобы найти таинственный артефакт, героям приходится в буквальном смысле пройти огонь, воду и медные трубы.

Окончательная синхронизация Фантастический боевик

Сергей Шангин

© Сергей Шангин, 2019

ISBN 978-5-4474-0083-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Товарищ полковник, разрешите доложить?

– Отставить, Михал Саныч! Когда ты отучишься от этого солдафонства? «Товарищ полковник, разрешите доложить?» Мы с тобой гражданские люди, у нас гражданский объект, сколько можно это талдычить? Приказываю отставить полковников!

– Есть отставить, товарищ... вот же зараза, как привязалось-то. Савелий Иванович, дайте время, ну хоть месячишко еще, не могу я так сразу из сапог и в ботинки перескочить!

– Хорошо, Михал Саныч, месяц и потом шабаш, услышу хоть слово, считай, ты уже в штрафбате. Что у нас с проектом

12/67?

– Вывод проходит нормально, списание чистое, прикрытие утверждено и пущено в реализацию. Через три дня все объекты будут готовы к работе в новых условиях. Все лишние связи зачищены!

– Надежно?

– Чище не бывает! Пятый уровень! Выше только взорвать все к ядерной фене, вы же знаете!

– Значит, все концы в воду... или в землю! Дай то бог, дай то бог. А ты, Михал Саныч, в последнее время бога вспоминаешь?

– Никак нет, то есть некогда вспоминать – кручусь, как белка в колесе. Если помяну в запарке, то только черта или его мамашу.

– А бог-то, он помнит про нас! Как думаешь, помнит?

– Не могу знать, в смысле, может и помнит, только нам от этого какой прок? Наша задача...

– Нашу задачу, Михал Саныч, я знаю. Только вот с богом у меня в последнее время спор вышел – правильно ли мы поступаем, по-божески? Молчит бог, не дает ответа, такой вот расклад получается.

– Савелий Иванович, разрешите, как есть сказать, а то меня от философских рассуждений уже в сон клонит, извините на грубом слове.

– Давай, Михал Саныч, крой правду-матку!

– Не наше это дело – философские проблемы решать. Мы

поставлены, чтобы страну оберегать от врага, в чем и клятву давали. Думать должны там, в ЦК или Генштабе. Раз приказано сделать так, значит так нужно и точка. Я так считаю!

– Считать мы научились, а как с душой быть? Признайся, что вся эта канитель тебе против шерсти! Ну, какой из тебя, Михал Саныч, гражданский? Да от тебя за версту казармой несет, и все твои звездочки на лбу каленым железом выжжены.

– Если для страны нужно, чтобы мы стали гражданскими, но продолжали заниматься тем же делом, значит по-другому нельзя. Времена изменились, того и гляди, армию разгонят, продадут по частям, превратят в богадельню. Кто будет свой долг исполнять, как не мы? Мы же присягу давали, этой самой стране, своей Родине давали, что будем ее беречь, не жалея самой жизни. А тут всего-то – фуражку на кепку поменять, переживем, пережужем, не такое проходили.

– Все у тебя Михал Саныч просто и понятно, завидую я тебе. Не поверишь, сижу и люблюсь – есть же люди, которым все ясно и понятно. А ты, Михалыч, какой стране присягу давал? Уважь старика, ответь! Где та страна, позволь тебя спросить? Съежилась, как трусы после стирки, обремкалась, завшивела, плесенью покрылась. Ты телевизор давно смотрел, от морд этих сытых не мутит еще? Ты ЭТИХ защищаешь или кого? Может, ты ИМ клятву на верность давал?

– Я, Савелий Иванович, присягал своему народу на верность. А этих сытых морд в том народе тьфу, да и только.

– Вот в том то и перекося, Михал Саныч, получается, что служим мы народу, а получаем приказы от этих самых морд сытых. И выходит по всему, мы вроде холуев при барине, что скажут, то и творим. А ИМ на твой народ начхать с высокой колокольни. М-да... колокольни. Как до этой колокольни дохожу, так всякий раз о боге вспоминаю. Кто бы грехи простил, кто бы жить научил? Может и в самом деле бог есть? Как думаешь?

– Не могу знать, Савелий Иванович! Разрешите идти?

– Иди, голубчик, иди. На бога надейся, да и сам не напейся. Забудь обо всем! Что-то меня на философию в последнее время тянет. Не один ты с этим переходом на гражданку маешься. Шагай, товарищ майор, наводи тень на плетень! И вот что, Михал Саныч... Ты в душу-то загляни свою, загляни! Поищи в потемках бога, может, есть еще немного? И... все, свободен!

Майор вышел из кабинета и остановился в приемной. Поведение полковника ему не понравилось. Не так должен вести себя командир в условиях решения боевой задачи. Все плохо – перестройка, развал армии, устои рушатся. В этих условиях нужно быть гибче, маневреннее, меняться, чтобы сохранить главное – кадры, наработки, материально-техническую базу. Какая разница, как тебя называют? Да хоть «Овощебаза имени Казановы», главное чтобы на этой базе под прелой морковью и капустой стояли спокойно контейнеры со спецоборудованием, оружием и боезапасом. Историю

творяют не названия – ее делает сила, упорство и неукоснительное исполнение приказа. Иначе конец всему, все развалится. Не может солдат идти в бой, думая о божественной сущности души человеческой. Армия держится на простом исполнении и подчинении – приказано, выполняй!

Пусть сейчас ты на гражданке, пусть это нужно делать очень убедительно, но опускаться до философии – это извините. Так недолго и... Майор вспотел от мысли, что может последовать за этим. Достал большой носовой платок, вытер пот с лица. Постоял с платком посреди приемной, спохватился, что выглядит пугалом огородным, и торопливо вышел прочь. Ожидающие переглянулись и понимающе покачали головами – взбучку майор получил, неудачный день, сегодня к полковнику лучше бы не соваться, но дела етить их в коромысло.

А полковник сидел молча за столом, постукивая пальцами по ореховой столешнице. Сидел и молчал, глядя в потолок, словно ожидал, что там откроется дыра и сам Бог ответит на его больной вопрос. Молчал и ждал неведомо чего, не веря в собственные надежды, не реагируя на настойчивые вызовы секретарши. Потом встал, открыл сейф, достал початую бутылку коньяка и стакан. Подержал их в руках и поставил обратно – не просила душа выпивки, совсем больная душа стала. Вместо коньяка достал из сейфа пистолет, заглянул в ствол и нажал на спусковой крючок.

На звук выстрела вбежала секретарша и следом за ней

офицеры, ожидавшие приема. Из-за стола высовывались ноги упавшего полковника, стол и стена были забрызганы кровью и чем-то белесым. Секретарша побледнела, зажала рот, чувствуя, что сейчас ее вырвет и, не успев сказать «Ой!», упала в обморок. «Вот же черт!» – вспомнил кто-то не к месту темную силу. Богом в этой комнате не пахло – только порохом и кровью.

Каждый ищет своего бога, только не всякий бог умеет прощать грехи.

– Я слушаю вас, Мишель! Вы необычайно задумчивы сегодня, что-то случилось?

– Никак нет, мой генерал! Объект «Сфинкс» работает по плану...

– Что-то вы недоговариваете, Мишель. Я не девушка, с которой вы хотите расстаться, узнав, что она беременна. Смелей, мой друг, говорите, что вас смущает!

– Мой генерал... Меня беспокоит... Точнее, я несколько озадачен неожиданной активностью наших «друзей».

– Чем же она неожиданна, Мишель? На то мы и поставлены, чтобы пресекать активность, как вы выразились, наших «друзей».

– Создается впечатление, что они знают, где именно находится...

– Не нужно, Мишель, я знаю, о чем мы говорим. На чем основаны ваши подозрения? Предчувствия, интуиция, агентурные данные?

– Скорее все вместе, мой генерал. Замечена слежка за курьерами. У меня складывается ощущение что наши «друзья» знают, кто именно является курьерами, правда без четкой привязки к основному курьеру – разрабатывают всех.

– Бог с ними, Мишель, пусть разрабатывают! Пока наши «друзья» будут бегать за курьерами, проект уже вступит в финальную фазу, их усилия окажутся совершенно напрасными. У вас другое мнение, мой друг?

– На всякий случай я бы пустил в работу резервную не заsvеченную группу курьеров. А прежняя пусть пока поводит наших «друзей» за нос. Подыщем им другой маршрут, подалее от основного, пусть они бегают за ними, как собаки за лисой. Естественно, я готов сделать это только в том случае, если вы не возражаете, мой генерал? Мне кажется, так будет надежнее!

– Я возражаю, Мишель! Категорически возражаю! Надежности это не добавит, а вот нервотрепка перед решающим шагом нам ни к чему. Идите, Мишель, и продолжайте то, ради чего создана ваша служба – охраняйте!

– Слушаюсь, мой генерал!

Разговор прервал телефонный звонок. Генерал дождался третьего звонка и лишь тогда снял трубку. Он знал, что этот телефон особый и секретарь не будет интересоваться,

удобно ли ему разговаривать с абонентом. Абонент слишком высокого звания, чтобы разговаривать с генералом через посредника – это прямой звонок, но и у генерала есть свои принципы. Три звонка, чтобы не думали о нем, как о послушной собачке, нетерпеливо ждущей приказа хозяйна. Три звонка и только тогда «Слушаю!»

Генерал не произнес ничего, кроме первого слова. Он выслушал абонента и положил трубку на телефон. Погруженный в мысли, он не сразу заметил переминавшегося с ноги на ногу Мишеля.

– Вы свободны, Мишель! Меня ни с кем не соединять, я буду очень занят в ближайшее время. И еще, Мишель... давно хотел вам сказать... бросайте к черту вы эту службу и поезжайте к своей девушке. Поезжайте, пока не стало слишком поздно... Идите, Мишель!

Мишель недоумевал по поводу внезапного откровения генерала, он относил это к неожиданному звонку и той информации, что получил генерал. Возможно, грядут большие перемены и действительно пора спрыгивать с корабля, отправляющегося в опасное плавание. Но не пыльная служба в Париже, хорошее жалованье и перспектива роста – бросить все это, ради странного понятия «любовь»? Нет уж, извините. Девушек много, а служба одна, – думал Мишель, выходя из кабинета и плотно закрывая двери.

Мужчина в персидском расшитом халате, вальяжно развалившийся в старинном кресле, сидел расслабленно до само-

го момента, как за его подчиненным закрылась дверь. Щелчок замка прозвучал для него пистолетным выстрелом, лицо напряглось и побледнело. Он вскочил из кресла, рванул пояс и скинул халат на пол, оставшись в брюках и шелковой просторной рубашке. Сосредоточенно глядя в некую точку перед собой, генерал подошел к окну, и распахнул обе створки на всю ширину. Свежий осенний ветер влетел в кабинет, разбросал бумаги оставленные без присмотра, поиграл кистями штор, и вылетел обратно вслед за распластавшейся в полете фигуркой человека.

«Ты птица! Ты умеешь летать! Вспомни, как это приятно оттолкнуться и взлететь в синеву! Взмахни крыльями и лети!»

Незримый приказ отправил генерала в последний полет, не оставляя выбора, не испрашивая разрешения и без права отмены, потому что приказ был принят давно. Пришло время исполнять приказы.

Генерал считал себя главным действующим лицом и надеялся своими глазами увидеть результаты невиданного в истории человечества эксперимента. Он сам создал всю структуру безопасности эксперимента, лично отбирал ключевые фигуры, без его подписи не принималось ни одно важное решение.

Кроме него существовал совет четырех, в который входили высшие руководители государства. Но не те, которые стоят на трибунах и принимают полномочных послов. Эти ста-

рались всеми силами оставаться в тени, сосредоточив в своих лапах ниточки власти, потоки денег, разведку и контрразведку, полицию и мафию. Они делали деньги из всего, что можно было продать, подчиняли своей власти все, что имело ценность.

Они считали себя вершиной пирамиды, и надеялись на монопольное владение высшим секретом мироздания. Только генерал имел контакт с четверкой, только он видел каждого из них, отчитывался о результатах, и получал прямые приказы. На всякий случай генерал вел личный секретный архив, в котором собирал компромат на своих хозяев. Это давало ему шанс остаться в живых при любых изменениях ситуации.

Он был нужен тем, кто сверху и тем, кто снизу. Генерал получал приказы и воплощал их в реальные проекты. Он знал практически всех, и это обстоятельство перевесило чашу весов его судьбы. Его знания стали опасными для тех, кто знал, как ими можно воспользоваться без согласия генерала.

Смерть разорвала цепочку. Архив остался бесхозным в секретном сейфе небольшого банка, не причинив ни малейшего вреда тем, для кого должен был стать бомбой. Исполнители делали свою работу, подчиняясь ранее разработанным планам. Безопасность пресекала попытки стащить чужую тайну. Высшие лица прятались в тени, словно жирные пауки, потирая лапки в ожидании завершения проекта. Мавр сделал свое дело, мавр может уйти. Точнее упасть

на асфальт с четырнадцатого этажа, чтобы разбиться насмерть. Рожденный ползать...

Лишь спустя некоторое время охрана генерала сумела связать крики внизу, вой сирен подъехавших полицейских и медицинских машин с охраняемым ими объектом. Охранять кабинет стало пустым занятием, операция перешла в решающую фазу, лишние объекты не должны мешать ее завершению. Лишнее должно опасть прахом. Мир праху...

– Вы отдаете себе отчет, что сказанное вами требует немедленной и самой жесткой реакции?

– Да, отдаю. Но считаю необходимым обратить внимание на пункт 2.4 и 7.8 докладной записки.

– Выразайтесь понятнее или вы хотите, чтобы я снова ли-стал ваш талмуд?

– Мы знаем, что объект работает нормально. Нам известно его местонахождение и система охраны. Мы полностью контролируем ситуацию – это пункт 2.4. Наш противник не в курсе наших знаний и считает себя хорошо законспирированным и защищенным, это пункт 7.8. Уничтожение объекта может вызвать случайную утрату... м-м-м...

– Я понял, продолжайте!

– После реформирования нашей службы, вывода из-под нашего контроля спецлаборатории и ее формального рас-

формирования нам стало труднее отслеживать работу объекта. наших агентов они вычислили и устранили с его же помощью, по этой причине пришлось задействовать агента, прошедшего специальную обработку. Он защищен от ментального сканирования, ему вшита новая ментальная матрица и он внедрен по чистой легенде. Только благодаря ему мы можем сегодня получать информацию о работе объекта.

– Вы уверены, что его не раскроют раньше времени, вдруг он проболтается или сорвется? Человеческий фактор все-таки, етить его.

– Он не может сорваться, товарищ генерал, новая личностная матрица полностью блокирует прежнее сознание. До определенной химической стимуляции или речевой команды он даже под пытками не вспомнит себя и свое задание.

– Хм, а как же тогда он передает информацию, если он ничего не знает о своем задании? Вы меня за дурака держите, полковник?

– Никак нет, товарищ генерал, в матрицу нового сознания вшит фрагмент проекта «Сомнамбула». Агент не осознает момента времени, когда передает на спутник короткий ежедневный отчет.

– Хитро придумано. Не перехватят?

– Никак нет, узконаправленная антенна, сверхкороткий пакет данных.

– Как получилось, что спецлаборатория вообще оказалась

в руках военных, почему я все узнаю в последний момент?

– Товарищ генерал, приказ был отдан на самом верху, нам противодействовала военная контрразведка, базы для размещения объекта...

– Базы? Их что, несколько?

– Так точно, товарищ генерал, несколько. Объект на одной из них, остальные в резерве, в горячем резерве – объект может быть в любой момент перемещен на другую базу, где у нас нет агентов.

– Почему? Нужен отдельный приказ, я должен лично заботиться об этом?

– Никак нет, товарищ генерал, но специальный агент требует длительной подготовки, процедура не совсем отработана, поэтому большой процент брака – выживает один из сотни и лишь один из трехсот после этого может нормально соображать. Единственный агент сейчас на активной базе и в плотном контакте с объектом, почти в плотном. По крайней мере мы владеем ситуацией. Главное, чтобы они не обнаружили наш интерес к их работе.

– Тогда может их того, взорвать и дело с концом? Раз уж вы владеете... почти владеете ситуацией!

– Это не в наших интересах, товарищ генерал. Пусть работают, ищут. Как только они будут готовы взять м-м-м... предмет, ради которого все устроено, мы выйдем на перехват. Точечная операция, минимум потерь и затрат с нашей стороны. Вот тогда уже можно будет отреагировать на бес-

компромиссное в государственных масштабах разворовывание народного имущества.

– Точечный удар... минимум потерь... меня, знаете ли, не интересуют подробности. Это ваши заботы, как именно вы добьетесь успешного завершения. Вы должны понимать, что для России нет ничего более важного, чем удачное завершение этой операции. Я считаю, что вы недостаточно ясно представляете себе всю важность данного события. Постарайтесь... нет, сделайте все возможное и невозможное, затребуйте для себя любые необходимые ресурсы, но выполните задание успешно.

– Товарищ генерал, я понимаю важность, я в полной мере осознаю ответственность поставленной передо мной задачи. Задание будет выполнено. Успешно выполнено!

– Хорошо. Список всех лиц причастных к заданию сегодня предоставить мне. Лично. И помните, полковник, после завершения операции всех лиц, принимавших в ней участие, с уровнем доступа выше первого тотчас же эвакуировать на базу 200. Я понятно выражаюсь?

– Но, товарищ генерал, как же так, ведь это лучшие кадры... мы не можем... нельзя рубить на корню... у них же семьи, дети. Сейчас не тридцать седьмой, чтобы вот так...

– Прекратите истерику, вы не институтка, чтобы позволять себе нервные припадки. Операция слишком секретная, чтобы допустить даже самую малую вероятность утечки информации. Война – есть война, сынок! Войны без потерь

личного состава не бывает, а бабы еще нарожают! Так-то вот! Но... Разрешаю вам, лично вам, сделать купюры из этого списка. Нет, вы неправильно поняли – свой выбор отметите крестиком в общем списке. Я постараюсь сохранить этих людей для вас, но не более того.

– В настоящее время непосредственно в теме не так уж много людей, остальные простые исполнители. Я постараюсь не расширять круг лиц сверх необходимого без жестокой необходимости. Я... мы... мои люди сделают все возможное, чтобы выполнить задание Родины.

– Вот. Так уже лучше. Четко, понятно, без громких слов. Постарайтесь не опоздать! Успеха всем нам.

– Почта, сэ-э-р!

– Господи, Лукич, ну когда ты успел нахвататься этой дурацкой лондонской спеси? «Сэ-э-э-э-р»! Давно ли от господ отучился? И, будь любезен, скинь ты с себя эту личину дворецкого, сам же знаешь, в этом кабинете ушей нет.

– Как скажете, могу и к господам вернуться! Вы же знаете, Михаил Самуэльевич, для меня ваше слово закон. А конспирация никогда и нигде, знаете ли, излишнею не бывает.

– Знаю, знаю. Кроме того, знаю, что у тебя в кармане для меня удавочка на всякий случай приготовлена! Ха-ха-ха! Шучу, шучу, а ведь ты испугался! Признайся, Лукич,

есть удавочка-то?

– У вас хорошее настроение, Михаил Самуэльевич, а новости, осмелюсь доложить, не очень веселые.

– Не обижайся, Лукич, но не грустить же мне, право дело. Скучаю я по России-матушке, не поверишь – так и хочется пройтись по березовому лесочку, вдохнуть чистого воздуха, родного воздуха. М-м-да, вот ведь не думал, что и меня ностальгия достанет.

– Вы же знаете, Михаил Самуэльевич, мы работаем над этим вопросом.

– В курсе, что работаете, только результата не вижу. Скоро меня в собственном доме уже травить будут вашими заботами. Что за новости?

– Наш французский информатор не вышел на связь, позднее его тело нашли на берегу Сены с пулей в голове. Может быть случайность, но, сами понимаете, в нашем деле случайностям нет места.

– Твои рекомендации?

– Предлагаю задействовать резервный вариант. Пора Геню отрабатывать вложенные в него деньги.

– А ты не боишься, что он попутно сожрет и нас? Ему это сделать пара пустяков. Жамкнет разок челюстями – прощай, Лукич, жамкнет другой – до свидания, Михаил Самуэльевич. Жути нет в душе, что монстра из клетки выпускаем?

– Есть опасение, как без того. Только дурак ничего не боится. На такой случай есть предохранитель – он в курсе, если

что-то случится с вами, мной или еще некоторыми людьми, ему несдобровать.

– Вот с этого места поподробнее, что-то я не слышал ни о каких предохранителях. По крайней мере, до сих пор не слышал! Темнишь, Лукич?

– Никак нет, Михаил Самуэльевич! К чему вам эти подробности? Ваша светлая голова занята решением геополитических вопросов, а мы уж мелочами всякими озаботимся.

– Лукич, ты слышал приказ – отвечай, что за предохранитель?

– М-м-м... тут такое дело. Помните, вы недавно у дантиста были?

– Ну да, ты же и насоветовал! Так ты...?

– Вот-вот. В пломбочку небольшой датчик вмонтировали. Питается он от естественных источников – тепло, слюна, тоны пульса улавливает. Если вы, не дай бог, остынете случайно... – ну вы понимаете меня? – или слюна выделяться перестанет, то сигнал датчика прекращается. То же самое будет, если пульс выйдет за пределы безопасных значений – волнение странное, здоровье душевное нарушится или еще что подобное. Отсутствие сигнала вызовет срабатывание микрозаряда в мозгу нашего гениального партнера. Бум и нет башки, извините за подробности! Такая вот предосторожность. Будьте спокойны, Михаил Самуэльевич, датчик прошел все испытания, сбоев быть не может – космические технологии.

– А если я, к примеру, мороженное на зуб положу или лед

из бокала к нему западет, как твой датчик работает? Или ты же мне, подлец, сообщишь, что моя благоверная с негром спуталась, и я занервничаю невозможно, что тогда?

– Никак, реакция рассчитана на длительное и устойчивое пропадание сигнала.

– Мудришь, Лукич, мудришь. Впредь о таких «предохранителях» докладывать мне в первую очередь, а то в мою светлую голову придет геополитическая мысль убрать тебя подалее в тьму-таракань, и взять на твое место другого человечка. Как думаешь, не перевелись еще в вашем ведомстве дельные людишки, кого порекомендуешь на всякий случай?

– Михаил Самуэлевич! Отец родной! Виноват! Исправлюсь, не велите казнить!

– Ну-ну, Лукич, ты еще слезу пусти, так я и поверил в твое раскаяние. Ты же одним глазом слезу пускаешь, а другим мне в компьютер заглядываешь, знаю я вашу гэбэшную натуру. Иди, работай. Запускай резервный вариант, времени у нас совсем нет. Работай, полковник, сбоек быть не должно.

– Слушаюсь, Михаил Самуэлевич!

Дворецкий с выправкой отставного полковника вышел из кабинета хозяина. Михаил Самуэлевич проводил его внимательным взглядом, прикоснулся пальцами к правой щеке, за которой прятался отреставрированный зуб, и надолго погрузился в тяжкие думы.

Большие деньги, которые, казалось бы, должны были обеспечить ему и семье безоблачное существование, ока-

зались ловушкой. Деньги притягивают деньги, но большие деньги тащат за собой власть. Сперва власть начинает тащить тебя на себя, как одеяло, чтобы твоими деньгами укрепить себя. Потом ты понимаешь, что это закончится тупиком и бедностью в лучшем случае, а в худшем тебя прикончат именно те, кто так нуждался в твоих деньгах.

Деньги меняют тебя, твою душу, твоё окружение. Ты уже не можешь быть просто Мишей, приятным в общении мальчиком из небогатой семьи. Никто уже не засмеется искренне в ответ на твои шутки, потому что теперь каждая твоя шутка имеет тысячу подтекстов и может лишить кого-то денег, должности, жизни.

Деньги распоряжаются тобой, требуют гарантий своего прироста. Большие деньги нуждаются во власти. Если у тебя нет власти, то когда-то деньги смогут забрать другие. Те, кто переписывает закон, купит судей и свидетелей, совершит революцию.

И ты начинаешь тратить деньги, покупая взамен власть. Власть или её атрибуты. Ты создаешь собственное маленькое государство с собой в качестве президента, царя, падишаха. У тебя своя армия, разведка и контрразведка, свои осведомители и убийцы. Власть зиждется на крови и костях. Чем больше того и другого, тем прочнее власть и любимее народом её олицетворение – царь, президент, падишах. Ты наделен правом делить людей на друзей и врагов. В твоей власти казнить и миловать.

Есть ли предел у власти, видит ли бог, что творят создания его? Наверяд ли, зачем ему это? Власть не от бога, ее придумал человек. Человек и ответит за свои грехи. Ответит, но потом, когда его жизнь земная прервется. А кто сказал, что мы собираемся помирать? Нет уж, мы еще поживем, мы еще потреплем врага за загривок. Мы еще посмотрим, кто будет жрать баланду из миски, а кто будет решать, кому можно топтать родную землю, а кому нет.

Беспокоит лишь жуткая нестабильность ситуации. Эти чертовы технологии заглядывания в чужие мозги, бр-р-р, жутко представить, что в этот самый момент, кто-то копается в твоей памяти, как в собственной кладовой. И ты ничего с этим сделать не можешь, это не жучки, которых можно обнаружить или подавить, это что-то дьявольское, мерзкое по своей сути и от того страшное даже для тех, кто якобы этим управляет.

Он подстраховался! Идиот! Гению не нужно меня убивать, чтобы завладеть моими деньгами – знания, информация, все, что раньше надежно пряталось в бронированных швейцарских сейфах и в зашифрованных файлах, можно спокойно прочитать в голове того, кто этим знанием владеет. Если бы не острая нужда, Михаил Самуэльевич давно бы отдал приказ ликвидировать Гения, найти всех подобных ему и ликвидировать их тоже. Они угроза любой власти, потому что для них не существует понятия ТАЙНА. Но сейчас вопрос стоит жестко – или мы получим доступ к самым сокро-

венным тайнам или его получают заклятые враги.

Эта ТАЙНА должна принадлежать только одному человеку, иначе все теряет смысл. Кто владеет артефактом, тот владеет миром – так сказал Гений. Михаил Самуэльевич, вспомнил его улыбку и тон, которым он произносил эти слова – за одно это Гений подлежал немедленному уничтожению. Если бы не проклятое «но» – без него как без рук. Только он может отследить перемещение артефакта, только он может защитить его от прочих желающих владеть им, только он владеет этой проклятой технологией, которая не даст спокойно спать Михаилу Самуэльевичу с самого начала сверхсекретной операции.

«Артефакт, это ключ к сознанию всего человечества, – нагло улыбаясь, снисходительно пояснял Гений. – Для того, кто умеет с ним обращаться, – Гений сделал легкую паузу, намекая на себя, – он бесценное сокровище! Для всех прочих не более, чем кусок камня. Без меня вам с ним не справиться, Михаил Самуэльевич, но... я не умею управлять миром, – он расхохотался, довольный собственной шуткой. – Михаил Самуэльевич, я вам не враг, вы уж поверьте мне на слово. Только я могу управлять артефактом, но мы нужны друг другу, чтобы управлять человеческим стадом.»

Тогда Михаил Самуэльевич только покачал головой, не зная, что сказать. Его переполняли страх и ненависть, но более всего он опасался, что Гений с его способностью залезать в чужие мозги без спроса, считывает в этот момент

его состояние. Считывает и продолжает нагло улыбаться ему в глаза, упиваясь собственной властью.

Люди одержимы властью, дай самому доброму человечку в руки безграничную власть и он первым делом уничтожит всех злых людей, затем тех, кто может стать злым человеком, следом уйдут в небытие все, кто мешают человеку быть добрым. Власть и кровь неразлучны – смерть стоит на страже власти, охраняя того, кто приносит ей богатые жертвы. Как долго я буду тебе нужен, Гений?

До последнего момента Михаил Самуэльевич надеялся, что деньги могут все. Достаточно подкупить нужных людей или заплатить другим людям, которые уберут мешающих людей и цель будет достигнута. Но деньги потрачены, а результат нулевой. Ключевой агент мертв, французский генерал покончил с собой, забрав в могилу тайну местонахождения артефакта и мы снова у разбитого корыта. Волей-неволей придется задействовать Гения, хоть и чертовски не хочется. Опасная затея, смертельно опасная и безумная, как и весь наш мир. Мир, который будет принадлежать тому, кто подчинит себе артефакт. Можно ли доверять Гению?

Поживем-увидим! Михаил Самуэльевич помотал головой, отгоняя наваждение, потянулся до хруста в суставах и продолжил рассмотрение текущих документов на экране ноутбука. Пока человек жив, он надеется на лучшее. Когда человек перестает надеяться, ему и жить не зачем.

Я попытался сконцентрироваться. Клиент вошел в дверь, оглянулся направо, кивнул девушке, девушка улыбнулась и манерно протянула руку, как для поцелуя. Он легонько потряс ее пальчики, приветливо улыбнулся и сделал комплимент: «Если бы моя секретарша позволила себе быть такой же красивой, мне бы пришлось жениться в четвертый раз!» Поцеловал пальчики и тотчас же отвернулся от девушки, потеряв к ней всякий интерес. Неторопливо оглядел помещение. Затем шагнул к правому столу и указал пальцем на календарь, стоящий на столе. Обернулся к переводчику и задал какой-то вопрос.

Стоп. Ерунда. Кадр за кадром мелькают на мониторе, запись прокручивает сцену скрытого наблюдения реальной жизни клиента, но ни малейших следов синхронизации не заметно. Такое впечатление, что я сам придумал весь этот бред, а не наблюдал его собственными глазами только что в виде отражения в настенном зеркале. Уж так получилось, пришлось спецам ловить изображение хотя бы в такой позиции, ближе подобраться не смогли. Мне, по большому счету, без разницы – в зеркале, так в зеркале. Лишь бы...

Опять стоп. Тормоз, идиот, полный тупица. Отражение! Ты все делаешь наоборот, отсюда и сбой. Все сначала, играем от вешалки, как любил говаривать Антон Павлович. Отрази его жестикуляцию, мимику, движения по комнате до зер-

кального. Расслабился, воспарил на лаврах, привык с первого раза раскалывать клиентов. Хорошо, что сейчас ты один в своей комнате, и некому подивиться твоей тупоголовости. Работай, работай!

Есть контакт! В голове замелькали туманные образы. Клиент явно не думал во время визита именно об этом месте. Он протягивает руку девушке, а перед его внутренним взором всплывает совсем другая женщина, пожилая, обрюзгшая с оплывшей фигурой. Она сердито смотрит на клиента и шепчет: «Пауль, ты снова испачкал одежду, паршивец! Я не пушу тебя гулять всю неделю и ты будешь по три часа стоять с молитвенником на коленях, чтобы замолить свои грехи перед Господом!» Она сует к его губам свою вялую безжизненную ладошку, обтянутую пергаментом высохшей кожей и ждет, пока он ее поцелует. Потом этой же ладошкой дает ему подзатыльника, отправляя в свою комнату.

Это конечно интересно и психологи обязательно добавят в его досье новую страничку, но я ищу не это. Дальше, дальше, усиливаем синхронизацию. Он поворачивает голову и при этом наклоняет ее, словно прицеливается для выстрела. Туманный образ старушки смазывается и исчезает под напором эмоционального всплеска.

Календарь на столе. Изображен мужчина, с довольной улыбкой указывающий на новенький Мерседес. На заднем плане дом бизнесмена средней руки. Картинка прямо на глазах покрывается красным муаром, желтеет, словно от огня

и в ней появляются рваные пробоины, точно кто-то стреляет по календарю из пистолета. Точнее не по всему календарю, а именно по мужчине. Это враг, враг, убить, разорвать, сжечь! Умереть не встать, вот это эмоции, а по виду не скажешь – мило улыбается, что-то говорит, смеется заразительно в ответ на шутку. Только под этой оболочкой тюфяка и Гурвиника скрывается Ненависть с большой буквы. Чем-то этот человек с календаря его задел или похож на его кровного врага. Отметить, чтобы проверили подноготную типа с календарика, возможные связи и прочее – это не моя работа, пусть аналитики чешутся.

Очень интересно, но все равно не то. Он пьет вино из высокого узкого бокала. Вино светлое, скорее всего сухое. Бутылка, где бутылка? Черт! Официант, услужливо вынырнув из-за спины, аккуратно, но быстро наполняет бокалы и исчезает из поля зрения клиента. Хотя это не фатально. Клиент делает глоток, я буквально ощущаю, как прохладное вино скользнуло по языку в рот. Он смакует его вкус, перекатывая по языку, проглатывает и просит показать бутылку. Вот он – момент удачи! Клиент то знаток, ценитель, знал бы он, чего ему будет стоить любовь к изысканным винам. Любого коллекционера можно «поймать на интерес», в этот момент они становятся открытыми, как стеклянный дом. Их мозг взрывается образами любимых «фантиков», каждый из которых, в свою очередь, обрастает массой сопутствующих картинок. Официант протягивает бутылку клиенту, демонстрируя

ее форму и главное этикетку. Мсье, это ваша удача! Божоле, Франция! Никогда не пил сам, но вкус нравится, ухмыльнулся я собственной шутке.

Французы – удивительная нация. Только во Франции могла появиться особая «винная диета», как средство борьбы с остеопорозом (нехваткой кальция в костной ткани). По этой теории всего-то нужно выпивать по два стакана вина каждый день, но непременно в определённой последовательности – один день только бордоское, на следующий – только бургундское, и так до тех пор, пока организм не придет в норму. Считается также, что вино укрепляет память, а ежедневный стакан красного бордоского существенно уменьшает риск старческого слабоумия и болезни Альцгеймера.

В подтверждение этим высказываниям приводятся весьма убедительные и тем более весомые доводы, чем дольше эту винную «диету» соблюдают. В нашей родной российской интерпретации легкие французские вина заменены водкой с перцем, которая универсально лечит от всех болезней. Или вылечишься или забудешь, чем болел.

Итак, мы знаем вино! Мы можем «уточнить» вкус, ощущения. Концентрируемся – есть контакт! Отодвигаем в сторону «фантики». Имея столь прочную синхронизацию, можно самому «шагать» по сознанию и памяти клиента в нужную сторону. Отстраиваемся от текущих ощущений и зрительных образов клиента – меня не интересует, что он делает или думает в настоящем времени. Моя цель находится

на неделю раньше и за три тысячи километров от его нынешнего местопребывания.

Откручиваем ленту памяти назад. В этот момент у клиента создается впечатление, что он сам вспоминает нечто забытое, хотя при достаточной подготовке оператора для него это будут лишь мимолетные образы, не оставляющие следов в сознании. А следы нам не нужны, мы не для того в его мозгах ковыряемся, чтобы он задумался, чего это вдруг ему так часто стал вспоминаться какой-то определенный эпизод из его жизни. Скользнули серой рыбкой в мутной водичке воспоминаний, крутнулись в нужном месте, схватывая разом все детали увиденного, и бегом к солнышку, прочь, подальше.

Процесс этот, к слову сказать, не такой быстрый и приятный, как описывается. Причудливы пути воспоминаний, напоминают по своей топографии город, выстроенный сумасшедшим архитектором в состоянии глубокого похмелья. Дорога дальняя, значит, есть время немного расслабиться, распусть галстук, не теряя, правда, «картинки».

Моя профессия... Господи, какая профессия? К нашему занятию это слово вряд ли применимо. Профессия – это что-то весомое, значимое, нечто, имеющее историю, то, чему можно научить молодых. То, чем я занимаюсь, лучше назвать шаманством, колдовством, искусством на худой случай.

Когда я в первый раз заметил, что умею делать это? Труд-

но вспомнить. В садике? В школе? Нет, тогда я не мог связать свои удачные ответы на уроках с умением прочесть их в головах своих одноклассников, я считал это чистым везением. Не дурак, да и в учебники иногда заглядываю, говорил я сам себе.

В институт поступить не удалось, понадеялся на везение, а его-то как раз и не оказалось под рукой. Мне бы задуматься, почему в школе везло всегда, а на экзаменах в институт провалился. Что изменилось? Все изменилось! В классе сидело тридцать мальчишек и девчонок, усиленно думающих о том вопросе, который тебе задала учительница, кто-то читал в этот момент учебник, другие напрягались, вспоминая прочитанное дома. Тебе оставалось только зачерпнуть из этого океана нужных тебе знаний малую толику, чтобы получить свою пятерку. А на экзамене каждый думает о своем билете, у него свои вопросы, тут везения мало, да и способности читать чужие мысли мало, особенно когда особо не обучен это делать.

Как результат вылетел с треском на первом же экзамене, устроившись в этот же институт старшим помощником младшего лаборанта. И дальше бы жил не тужил, если бы не зоркие товарищи по работе, которые всякий раз недовольно морщились, играя с тобой в карты или шахматы. Я отшучивался, упирая на везение, но приклеившееся, как банный лист прозвище «Вольф Мессинг» льстило самолюбию. Девушки строили глазки, загадочно улыбались, присылали

записки с одним и тем же вопросом: «Сеня, а что я сейчас думаю о тебе?» Я честно подписывался на свободном месте: «Ты красивая и умная. Хочешь сходить со мной в кино!»

Всем писал одно и то же, и всякий раз получалось, что я угадываю их сокровенные желания. Господи, ну а какие еще желания могут быть у девчонок при виде существа овеянного тайной? Не сам же я их привлекаю. Что во мне вообще можно найти привлекательного? Худой и длинный, как жердь, волосы пегие вылинявшие, стриженные под полубокс. Глаза не волшебного голубые и не таинственно карие, обычные серые глазки, подслеповато щурящиеся на мир. Зрение ни к черту, но дешевые панты не дают носить очки, перед девчонками неудобно. В секциях и сектах не замечен, характер неровный, как дорога до села Игуменка, поговорить с девушками могу разве что о погоде и производственных планах. Одним словом, если бы не прозвище черта с два на меня девчонки внимание обращали. Оказалось, что не только девчонки, и не просто обращали внимание, а взяли на заметку и тщательно записывали все случаи моих «откровений».

Перестройка, етить ее в коромысло, подняла много тины со дна, всколыхнула болото, открыла дорогу шарлатанам и любителям погреть руки на чужих деньгах. Не остались в стороне и спецслужбы, торопливо запускающие один за другим проекты разной степени бредовости – деньги халлявные сами в руки текут, обосновывай и забирай! В борьбе

с потенциальным противником все средства хороши, самые бредовые идеи способны воплотиться в металле. Все, из чего можно извлечь хотя бы тысячную долю преимущества над противником, должно приниматься во внимание и разрабатываться. Пусть страна ест макароны и ждет коммунизма, наша задача предотвратить возможность войны. Не больше и не меньше.

Энтузиасты телепатии с уверенностью идиотов штурмовали неприступные тайны человеческого сознания, уподобляясь Эдисону, последовательно перебравшему десять тысяч способов изготовления нити накаливания. Но Эдисон хотя бы знал, что именно он хочет достичь, ему требовались определенные физические параметры. В области человеческого сознания наука скромно топталась у порога, не имея не только приборов, но и представлений о том, что именно этими приборами нужно измерять. По этой причине энтузиазм расходовался впустую, пар выходил, а паровоз познания так и не желал трогаться с места.

Даже мой знаменитый тезка не оставил после себя наследников своих уникальных способностей – он был величайшим сенсом, но не знал природы своего таланта. Он не был сенсом в том смысле этого слова, какое вкладываем мы сейчас. Он умел чувствовать общий настрой, читать мысли текущего момента, мог улавливать смысл могучих эманаций сознания миллионов человек, чтобы уверенно сказать – война будет и будет очень скоро, более того, это произойдет

именно так, как произошло.

Он мог это узнать, почувствовав единый настрой сотен тысяч солдат и офицеров, тайно накапливающихся на границе с СССР. Он стоял у истоков, но не шагнул дальше. Не сумел или не захотел? Может быть, его испугала перспектива, которая открылась ему в очередном предвидении? Он мог почувствовать, как свора голодных псов, смотрит налитыми кровью глазами на него, ожидая, когда же он научится вскрывать чужие мозги, как консервные банки. Никто не узнает причины, по которой величайший из существовавших сенсов не переступил границы дозволенного человеку. А мы переступили!

Не знаю, как бы сложилась моя жизнь дальше, но однажды все изменилось. Все изменилось слишком быстро и против моего желания. Меня извлекли из жизни в буквальном смысле этого слова. Однажды я пошел на работу и больше меня никто не видел, потому что по дороге меня сбила машина. Я услышал визг тормозов, потом удар, толкнувший меня на асфальт, женский пронзительный крик: «Человека задавили-и-и-и!», и мир окунулся во тьму.

Через некоторое время я очнулся в больнице, узнав, что несколько дней назад я едва не погиб. Не от медперсонала узнал, вежливые они, обходительные, но странно немногословные. И не от соседей по палате, не было у меня соседей в просторной палате. В палату вошел солидный мужчина в белом халате, накинутом на костюм, с тонкой папоч-

кой в руках. Я напрягся, почував в нем следователя, лихорадочно вспоминая, нет ли моей вины в том ДТП? Может, я на красный свет дорогу переходил, и виноват по всем статьям? Вдруг водитель вовсе погиб из-за меня дурака, а я вот лежу себе живой и почти здоровый? Я стремительно накручивал ужасы на свою голову, меняясь в лице столь стремительно, что посетитель обеспокоился?

– Семен Петрович, не волнуйтесь вы так! Я пришел с вами побеседовать, просто побеседовать по душам, это неофициальная встреча.

Как мне сказали там, – он показал пальцем на входную дверь, – со здоровьем у вас относительно нормально, говорить с вами можно. Не возражаете?

Я помотал головой, соглашаясь, хотя и не чувствуя в себе ни малейшего желания разговаривать со следователем. Ощущая в нем некую гадость, которую он готовится на меня вывалить. Он присел на стул рядом с кроватью, глядя на меня чуть ли не с умилением. Потом подобрался разом и начал разговор.

– Вы, Семен Петрович, человек уже взрослый, мужчина к тому же, поэтому, если не возражает, я не буду ходить вокруг да около, и сразу перейду к делу.

Я снова кивнул, как китайский болванчик, всем сознанием чувствуя накатывающуюся от следователя тяжелую мрачную волну ужаса. Ужаса, который вот-вот должен обрушиться на меня, неотвратимо, как поезд, как ураган. Не хочу,

не надо... но... я же мужчина!

– Понимаете, Семен... можно я вас по-простому Сеней звать буду, уж больно вы молоды для Семена Петровича? – его губы изобразили добродушную ухмылку, но глаза смотрели цепко и холодно.

– Капитан Иванов. Иван Иванович, такая вот простая русская фамилия, – пошутил следователь, демонстрируя мне красную книжечку с золочеными буквами.

– Ситуация, Сеня, получается следующая, – он раскрыл папочку, нацепил на нос очки с увеличивающими стеклами и разом стал похож на бухгалтера, собравшегося подвести баланс, посчитать дебет с кредитом. – Пока ты без сознания в больнице валялся, с твоими родителями случилась неприятная история. Предупреждаю сразу – история архинеприятная, но ты мужик, поэтому держись. Убили их, Сеня, зверски убили, обоих и сразу. С виду ограбить квартиру хотели, тут старики твои проснулись, ну их и того... Вот фотографии с места преступления.

Он выкладывал мне в руки цветные фотографии, в подробностях живописующие ужасное преступление. Квартира родителей, моя квартира, но все в ней ужасно чужое и страшное. На полу в лужах крови мои родители, я узнаю их черты. В квартире все перемешано, ящики шкафов вывернуты на пол, матрасы и подушки взрезаны, книги свалены с полок. Все укладывается в картину ограбления и вынужденного убийства, вот только...

– Понимаешь, Сеня, все укладывается в картину ограбления и вынужденного убийства. Вот только, признайся, как на духу – было ли в квартире нечто настолько ценное, чтобы ради этого убили двух человек, повесили на себя мокрое дело? Правильно! Мы также рассудили, что не было. Тогда вопрос – зачем они это сделали? У тебя есть свое мнение по этому вопросу?

– Нет, – едва сумел выдать я, потрясенный случившимся.

– Случай сложный, следов никаких, поэтому у нас есть к тебе предложение. Надеюсь на твое понимание и желание сотрудничать с органами. Очень надеюсь, знаешь ли. По нашим данным... за тобой отмечен некий дар, способность, умение, называй как хочешь, но ты, Семен Петрович, умеешь читать чужие мысли.

– Вы с ума сошли, это вам к чему? Вы понимаете, что у меня только что убили родителей? Какие к черту мысли? Скажите, кто это сделал и до суда они не доживут, – пообещал я, чувствуя зарождающуюся в глубине души холодную ярость.

– Вы не поняли, Семен Петрович, именно к этому я вас и призываю – вы должны помочь следствию найти убийц ваших родителей, – следователь почему-то перешел на вы.

– Как?! Выдумки все это, случайность, везение!

– Все может быть. Но мы поможем. Есть соответствующее оборудование, препараты, технологии. Можно усилить,

развить ваши способности таким образом, что вы сможете найти убийц ваших родителей. Со своей стороны можем гарантировать всяческую поддержку. Силовую, материальную, какую скажете. Предлагаю союз – мы помогаем вам в поиске преступников, взамен вы помогаете нам решить некоторые наши проблемы.

– Извините, я думал, что разговариваю с работником милиции, а вы, похоже, из этих... из фантастов! – мне противно было слушать этот бред. – Не можете найти преступников, так и скажите! К чему этот балаган? Вам доставляет удовольствие предлагать мне явную чушь, вместо того, чтобы признаться – мы не можем ничего сделать? – куда подевался мой трепет перед лицами облеченными властью, с весомыми красными книжечками, с лампасами и командным голосом. Меня бесило его тупое упорство.

– Семен Петрович, для начала давайте успокоимся! С чего вы взяли, что я из милиции? Сами придумали? Я вам такого не говорил, из моего звания это не следует, так что насчет того, что именно мы обязаны искать преступников, вы заблуждаетесь. Это, во-первых.

– А, во-вторых? – с вызовом переспросил я. – Скажете, что вы майор Перепеленко из восьмого управления ФСБ? – зачем-то ляпнул я в запале.

– А, во-вторых, заметьте, это не я вам сказал. Можете убедиться! – он подал мне удостоверение в развернутом виде. Я тупо переводил взгляд с удостоверения на его лицо и об-

ратно, пытаюсь соединить воедино обрывки ускользающих мыслей. Этот тип специально солгал вначале, чтобы доказать мне самому, что... я умею читать мысли? Они, в самом деле были уверены, что я умею это делать! Я могу раскрыть преступление... найти убийц... у меня есть такая возможность!

– Согласен! Что нужно сделать? – осознав возможность, тотчас же согласился я. Чем быстрее мы начнем, тем раньше я смогу раздавить этих тварей. Не знаю – научусь, не могу – разорвусь, но сделаю.

Достаточно быстро я убедился, что поиски убийц не главная задача нашего сотрудничества. Такой задачи даже в принципе не ставилось. Никогда! Кроме желания развить мои способности у них ни-че-го не было! Наступил момент, когда я принял решение уйти, бросить это безмозглое занятие, вернуться к нормальной жизни. Боль утраты притупилась, преступники казались недостижимыми, безнадежность плутания в темноте становилась все более очевидной. Но выяснилось, что пути назад нет.

В той самой злосчастной аварии я погиб. Погиб для всех близких и знакомых. Более того – был похоронен и вычеркнут из жизни в бюрократическом понимании этого слова, меня не стало, как единицы учета населения. Мне очень убедительно сказали, что так надо. Надо для Родины, для безопасности сотен миллионов простых людей, которым угрожает смертельная опасность.

Вы понимаете, говорили мне, что мир нестабилен, что мы

постоянно балансируем на грани третьей мировой войны? Неужели вы не захотите помочь своей Родине в очень важной и ответственной работе? Работе настолько секретной, что связь с внешним миром для вас исключается! Для внешнего мира вы должны исчезнуть, умереть, прекратить существовать.

Вспомните Штирлица, разве это не пример для подражания? У вас есть реальный шанс встать в один ряд с великим народным героем, правда без огласки и шумихи. В этом деле самое главное уберечь секреты от чужих глаз и ушей. Так надо, сказали мне и показали материалы, убедительно свидетельствующие, что меня уже нет в этой жизни.

Я читал собственный некролог и плакал как ребенок, разглядывая красочные фотографии с места ужасной автостафроды, в которой «погиб и сторел». На всякий случай мне дали почитать проекты некрологов и показали фотографии различного рода «несчастных случаев» с участием моих близких, которых никто не убивал. Меня подставили, тупо, в лоб, как идиота. Я мог элементарно проверить все это, сходить домой и убедиться. Убедиться, что мне врут, нагло врут, понимая, что я не пойду, и не проверю.

Меня предупредили, что в вопросах государственной важности личное уходит на задний план. Если понадобится, то все, показанное на смонтированных фотографиях станет реальностью. Предупредили на всякий случай, чтобы я осознал – для меня нет дороги назад и нет возможности сто-

ять на месте, тупо дожидаясь, пока ко мне потеряют интерес. Я должен сотрудничать активно, творчески, чтобы эти несчастные случаи однажды не стали явью. Они не пугали, не светили лампой в лицо, не вгоняли иголки под ногти – очень вежливые люди в штатском уговаривали меня выполнить долг перед Родиной.

– Ты мог отказаться, – возразил мне внутренний голос.

– Чтобы он, да отказался? Его помани морковкой, он и побежит, хвостом помахивая, – вступил в свару другой голос.

Явились, не запылились. Представьте, что вы пригласили в гости любимую девушку и рассчитываете на ужин при свечах, а она заваливается с кучей родственников, и ведет себя так, словно это уже ее квартира.

– Я несколько занят, чтобы выслушивать ваши нотации, – мысленно буркнул я своим вечным спутникам, оптимисту и пессимисту. Меня грела светлая тоска по безвозвратно ушедшему беззаботному прошлому, а тут вваливаются без приглашения, хамят, как торговки на вокзале.

– Чем именно, позвольте спросить, ты занят? – хором заорали оптимист с пессимистом.

– Он думает, что можно все изменить! – восхитился оптимист, – Давай, Сеня, так держать! Верным путем идешь, товарищ!

– Ничего он не думает, вату катает, сопли жует, в собственную жилетку плачется! Одинокое ему, печально! Тьфу, размазня! – раздраженно буркнул пессимист.

Да одиноко, да печально, а к кому, извините за назойливость, мне обратиться со своими проблемами?

– Куратору пожалуйста, – посоветовал доброхот-оптимист, – он тебе пустого не назовет, командир как-никак, а значит отец солдату.

– Кто отец? Этот конь в пальто, которого он отродясь в глаза не видел? Этот солдафон – упал-отжался? Ой, умерил! – загоготал пессимист.

Прав он, не буду я куратору жаловаться, потому как должен жизни своей радоваться, от доверия светиться радостно, и жизнь свою положить любимой Родине служба. Только в курсе ли та Родина, что я тут под землей ради нее погибаю? Иногда сомнения подкатывают непонятные, грустно становится, но ничего, затянем потуже ремешок на сердце и дальше служить. А сердце тревожится, мается, потому как помнит оно милых ему людей. Только смысла нет в той памяти, поскольку секретность превыше всего, превыше любви и памяти.

Мы изгой, которых никто не изгонял. Мы боги, которым никто не поклоняется. Мы сила, прикованная к скале страшными клятвами и жизнями наших близких. Нас не должно быть, но мы есть и нас нашли.

Мы психосенсы, то есть люди, которые слышат мысли других людей. Мы нужны всем, но никто не хочет находиться с нами рядом. Нас боятся больше чем чумы и смерти. Боятся за то, что мы можем узнать ВСЕ, что вы думаете, думали

и даже собираетесь подумать, но еще не оформили в ясные сознательные образы.

В умелых руках мы страшное оружие и поэтому первыми до нас добрались именно те, кто имеет власть, желает власти большей, маскирует это желание заботой о людях, Родине и ее процветании. Нас нет, хотя мы есть и работаем, погружаясь по уши в дерьмо чужих мыслей.

Я говорю **МЫ**, но о существовании прочих сенсов могу только догадываться. До сих пор я работаю в гордом одиночестве, как Робинзон на необитаемом острове. Нет, хуже, чем Робинзон. Он мог по-го-во-рить! Да, да, поговорить о том, что его мучает с другими людьми, хотя бы и через много лет одиночества. А с кем я могу поделиться своими мыслями, ощущениями, надеждами, переживаниями? Кто меня поймет? Все, кто знает о моих способностях, только смотрят с завистью и мечтают когда-либо научиться тому же. Они еще не знают, что этому научиться нельзя, потому что это даже не талант, это уродство организма!

Стоп, хватит предаваться терзаниям, мы у цели. Серая безликая комната, освещенная тусклым светом уличных фонарей. Он не включает свет, ему не хочется обнаруживать свое присутствие именно в этой комнате. Поэтому он осторожно двигается в полутьме от двери в сторону камина,

стараясь не задеть ничего из предметов, сделать как можно меньше шагов по мягкому персидскому ковру. Он чутко прислушивается к тишине, его беспокоит эта тишина, хотя должна радовать.

В комнате нет никого, и никто не помешает ему спрятать артефакт в сейф. Сейф! Именно его мы ищем, нам нужен код сейфа, ловушки и прочие сюрпризы, оберегающие артефакт. Артефакт без имени, без названия. Самая желанная награда всей нашей работы, по крайней мере, так утверждает мое начальство. Никто не знает, или притворяются, что не знают какова природа артефакта и почему он так нужен нам. Партия не обязана все объяснять. Сказано нужно, значит так нужно и баста!

Я его не увижу, артефакт спрятан в футляр из многослойного материала, блокирующего практически все виды излучений, которые могли бы нанести вред артефакту. Я не увижу артефакта – так сказал куратор, – и не должен хотеть увидеть. Моя задача определить местоположение сейфа, код доступа и ловушки. Меньше знаешь, крепче спишь – хорошо сказано, хотя и глупость.

Я не могу знать меньше, чем мой подопечный. Я не просто путешествую в его памяти, как беззаботный турист, флагирующий по набережной. Я впитываю в свое сознание все, что он осознает и даже то, что он еще не осознал. Все это проявляется на фотобумаге моего сознания и складывается в хранилища активной памяти.

Активной, значит непрерывно тревожащей меня своим содержимым. Представьте, что у вас в заднице торчат тысячи заноз, и не дают вам возможности присесть или прилечь, чтобы хоть немного расслабиться и отдохнуть! Представили? Так вот – это жалкое подобие того существования, на которое мы обрекаем себя, погружаясь в чужую память.

Мы не можем по своей воле летать над миром и проникать в сознание любого человека. Телепатия, в том виде как ее представляли энтузиасты-ученые, полный бред. Для проникновения нужна абсолютная синхронизация двух сознаний, подстройка одного под другое. Недаром феномен передачи мыслей на расстояние регистрировали исключительно между близнецами и очень близкими людьми. Сознательно передать или прочесть мысли без настройки на приемник в принципе невозможно. Очень небольшое количество людей обладает врожденной способностью к настройке. И еще меньшее количество из них специально обучены эффективно использовать свои способности.

Для настройки нужен зрительный, телесный, обонятельный, осязательный контакт с клиентом. Потом приходит опыт, с каждым проникновением ты становишься богаче чувствами, образами, умеешь представить себе нужное без непосредственного контакта. Опыт становится твоим богатством, кладом, сокровищем. Только это богатство напоминает содержимое бочки ассенизатора – чем богаче улов, тем ароматнее содержимое.

Мы не можем проникнуть в сознание любого, но те, в кого мы когда либо проникали, становятся нашими. Контакт уже нельзя нарушить. Они становятся частью нашего сознания. Представьте себе огромный экран, на котором выведены тысячи маленьких движущихся картинок с цветом, запахом, ощущениями. Где-то среди этих картинок одна твоя. И ты стараешься, судорожно цепляясь скрюченными щупальцами воспаленного сознания, не потерять своей картинки, не раствориться среди прочих, не стать медузой.

Новый кадр. Нерешительность закончилась. Клиент уверенно подходит к правому краю камина и нажимает на декоративную чугунную собачку, потом поворачивает один из фрагментов облицовки. Камин, точнее его массивная передняя часть, легко и беззвучно отъезжает влево. За тускло мерцающей зеленой завесой видна массивная дверца сейфа.

Клиент не спешит, в его сознании словно тикают внутренние часы. Все нужно сделать строго по секундам. Малейшая ошибка и сейф, комната и сам дом превратятся в ничто. Несчастный случай, взрыв газа – так запишут в сводке пожарники, прибывшие на место происшествия. Они не обнаружат сейфа, потому что синхронно с взрывом в комнате произойдет второй взрыв глубоко под фундаментом. Клиент очень образно представил себе узкий кинжальный удар направленного взрыва, сметающего преграду снизу под сейфом. Два взрыва рассчитаны столь ювелирно, что первый закончит свое действие, немного не дотянув до сейфа, а вто-

рой толкнет его сквозь пол вниз в бездну, где и похоронит под натеками камня после третьего, совершенно невидимого для внешнего зрителя взрыва. Этот взрыв термальный, его задача оплавить место захоронения сейфа.

Тик-тик, невидимые часы отмерили десять секунд, потом еще две и пальцы клиента ныряют в зеленый туман, поворачивая диск на цифру семь. Руки прочь. Новый отсчет, теперь одиннадцать секунд и снова в туман – набираем двойку. Операция повторяется для каждой из восьми цифр. Зеленоватое сияние гаснет, клиент слегка расслабляется, первый этап пройден, осталось еще три. Теперь набираем новый десятизначный код, и дверца слегка вздрагивает, освобождая замок. Вытаскиваем тяжелую гильзу кодового замка и ставим ее возле камина. В отверстие замка сует правую руку внутренней частью ладони влево, срабатывает захват, ладонь надежно зафиксирована – началась идентификация по сотне параметров. Несовпадение любого из них с записанным в памяти сейфа и третьего этапа не будет.

Щелчок, рука свободна, быстро убрать ее из отверстия. Передняя панель сейфа легко уходит направо в стену. Перед нами глухая ниша в рост человека, заходим внутрь, как можно сильнее вжимаясь в стенку перед собой всем телом и лицом. За спиной так же беззвучно скользит обратно панель сейфа. Единомоментное состояние ужаса, шока, желание выйти, убежать. Усилием воли клиент гасит его, концентрируясь для третьего этапа.

Пол и потолок пошли навстречу друг другу. Если бы не спокойствие клиента я бы умер от страха. Но он знает, что в этот момент не стоит дергаться. Тонкая система датчиков остановит движение в нужный момент. Стоит дернуть-ся, растеряться и ловушка захлопнется – движение не остановится, пока не спрессует взломщика в аккуратный брикет из мяса и костей. На третьем этапе взрывов не бывает, теперь жертва уже не может покинуть сейф и достаточно ее просто уничтожить.

– Жуть! – пробормотал пессимист, – Сейчас из него будут делать фарш. Ни за что не устоять ему на контроле, явно пил подлец накануне.

– Пройдет, не впервой! – отмахнулся оптимист, – Что он трезвенник, что ли? Это его нормальное состояние, не забывай, монстерами, это Франция. Тут принято пить с утра до вечера.

Фиксация. Датчики меряют пульс, давление, тремор глаз, размер зрачков, влажность кожных покровов. Щелчок, тест пройден, передняя стенка немного смещается вперед и скользит вправо, открывая доступ к внутренностям сейфа. Кубическая полость не более тридцати сантиметров по сторонам, подсвеченная тем же зеленоватым сиянием, совершенно пуста. Этот сейф создан именно для артефакта и ни для чего другого. Все ловушки и предосторожности ради сохранения тайны артефакта.

– Ну, что я говорил? Он прошел! – оптимист хлопал в ла-

доши, дудел в дудку, подпрыгивал на месте от удовольствия.

– И что с того? – не унимался пессимист, – Все равно ты никогда не узнаешь, что там внутри коробки. Так и будешь облизываться, и пускать слюнки.

Сказать нечего, он прав. Я осторожно брожу неподалеку от этого места в памяти клиента, неосознанно, движимый губительным любопытством, пытаюсь определить природу объекта, спрятанного под оболочкой футляра. Пусто. Клиент не посвящен в его тайну, он только курьер. С очень высокими полномочиями, но только курьер. Его задача взять артефакт, привезти на объект «Сфинкс», потом в определенное время забрать и вернуть на место в сейф. Если в промежутке времени, когда артефакта нет в сейфе, с курьером что-то случится, наготове еще три таких же. Их данные занесены в память сейфа, и они прошли специальную тренировку на тренажере. Никто из них никогда не видел настоящего сейфа. Меньше знаешь – крепче спишь. Много узнаешь, уснешь навсегда.

Футляр в сейфе, шаг назад, вжаться спиной в стенку. Внутренняя стенка скользит на место и слегка вжимает клиента, встав на место. Терпим, пока внешние датчики анализируют помещение на предмет обнаружения противника. Все тихо! Тихо – это хорошо, это значит, что тебя, как ненужного свидетеля не спрессуют в брикет. Щелчок, за спиной исчезает передняя панель сейфа. Шаг назад, панель возвращается на место. Вставить гильзу замка, щелчок – замок принят

и взведен, коды изменены на следующее дежурное значение. Зеленое свечение сигнализирует о включении боевых лазеров в дежурный режим. Шаг назад, камин скользит на место. Осторожно перемещаемся к двери и выходим, облегченно вздыхая. Каждый раз он готовится к смерти, и пока счет семь ноль в его пользу. Костлявая может заняться кем-нибудь другим, менее удачливым, менее достойным этой жизни.

Порядок. Мы знаем где. Мы знаем как. Мы знаем, каким образом. Более того – мы знаем коды для последующего доступа. Я могу делать ноги из чужого сознания, а команда Альфа на вылет! Таскать каштаны из огня – не мое занятие. Выходить на объект, вступать в огневой контакт, подвергать свою жизнь риску – не мой удел. Все, что мне требуется для синхронизации, доставят на дом, точнее на базу. Если будет мало, пойдут еще раз, обвешают нужный объект умной аппаратурой слежения и записи, чтобы собрать цельный образ объекта, необходимый для синхронизации. Если нужно, украдут личные вещи объекта, хранящие его запах.

Да-да, вам смешно, а мне приходилось нюхать грязные носки клиента, чтобы получить долгожданную синхронизацию. Чистюлям у нас делать нечего, брезгливость не наш метод – чистые, свежестиранные вещи безлики и бесполезны. Рубашка, белье, носки, брошенные в стирку и стянутые из корзины ловким агентом, идут на вес золота. Кроме того, мне доставляют напитки и образцы еды объектов, чтобы

при просмотре видео я мог четче представить себе вкусовые ощущения. Вы считаете, что вкусы у всех разные? Вы правы, но в данном случае меня мало интересует мой вкус – я ловлю момент совпадения. Острое, пряное, крепкое вызывают довольно близкие ощущения у всех людей, варьируется только степень яркости ощущений.

Но почему я вспомнил Марию, когда клиент застыл в каменном гробу, ожидая доступа? Обычно я не отвлекаюсь во время выполнения задания. Тем более Мария. Странно. Очень странно. Чрезвычайно странно! Я не должен был о ней вспомнить! Догадка уколола сердце раскаленной иглой. Меня пасли, я пропустил серую рыбку в мутной водичке собственного сознания. Это вторжение – почему-то совершенно спокойно подумал я, странным образом не связывая ужас догадки и ледяное спокойствие вывода.

– Спокойно, Сеня, тебе показалось! – бодрячком пропел оптимист, – Нервишки шалят, нужно чаще отдыхать и спиртным не пренебрегать. Вон французы хлещут свое бордо целый день и живут себе спокойно и весело. Пей бордо, живи бодро!

– Ты его своим оптимизмом когда-нибудь под монастырь подведешь! Не понимаю, в чем удовольствие, закрывать глаза при виде опасности. Если опасность есть, нужно на нее

реагировать, а не переть рогом вперед.

– Вот только не надо его запугивать! – набычился оптимист, – Он и без нас с тобой напугается так, что штаны обмарает. Пусть думает легко и свободно, не отягощаясь мыслями о неизбежности смерти, бренности жизни, коварстве человека и тому подобными гадостями. С твоим подходом он быстро шизанется и станет ненормальным.

– Ты хочешь сказать, что вспоминать нечто из блокированной памяти – это нормально? Очнись, милый! Нам на хвост села акула, кто-то нас только что поймел, а мы ходим и перья топорщим от собственной важности.

Правы вы, черти, правы, как никогда. Нет мне никакой особой радости от ваших умозаключений, но и голову прятать в песок тоже не дело. Когда-то это должно было случиться. Мы работаем с носителями высших секретов государства, чужого государства. Логично предположить, что, имея на руках аналогичную технологию, они попытаются применить ее для охраны своих инвестиций.

Предполагать можно все что угодно, но раньше такого не было. Нужно срочно доложить о... А что я скажу? Что вспомнил Марию? Какую Марию? Ах, я вам не рассказывал про нее? Какая странность! Я и не мог вам о ней рассказать, потому что она находилась за пределами блокированной зоны памяти. Как, вы не знали, что у меня есть блокированные участки памяти? Странно! Хотя, я сам только что об этом узнал.

Я не должен был никогда вспомнить Марию и всего того, что связано с ее жизнью и смертью. НИЧЕГО!!! Это медицинский факт – заблокированные зоны памяти считаются практически убитыми, их нельзя вернуть в активное состояние никакими методиками или препаратами. Но я вспомнил Марию и сразу вспомнил все. Все, что было до Великой зачистки.

В самом начале мы многого не знали, не было опыта ни у меня, ни у исследователей. Мы были энтузиастами. Нас было много, упрямых, любопытных, стремящихся открыть сокровенную тайну природы. Как это соблазнительно – уметь читать мысли другого человека на расстоянии. Для нас не существовало моральных барьеров, откуда им взяться, ведь мы все строители коммунизма, в наших сердцах горит светлый огонь, зло не наша стезя. Даже, если мы и научимся читать мысли другого человека на расстоянии, то только для того, чтобы спасти кому-нибудь жизнь.

Наивные идиоты, желторотые юнцы, хладнокровные и жадные до открытий маститые ученые. Одни не знали, другие стыдливо закрывали глаза на то, откуда берутся деньги для столь масштабных проектов. Кто платит, тот и музыку заказывает, как гласит народная мудрость. Для тех, кто работал у нас, не составляло секрета, что все финансирование шло через оборонку, но кого, разрешите спросить, в нашей стране это пугало. Оборонка – это деньги, надежный заработок, уважение и почет, квартиры вне очереди.

Но если ты решил, что эти блага тебя устраивают, значит должен принимать принятые в этой сфере правила игры. Если ты научишься читать чужие мысли, значит, будешь читать их именно там, где хранятся чужие секреты, военные секреты, государственные секреты. Ты будешь работать на тех, кто сейчас стоит у власти и дает деньги на эти исследования. Вот у них то точно нет никаких моральных барьеров. Власть не может позволить себе быть моральной и совестью. Президент может верить в бога, но сотрудничать должен с чертом, потому как цели у них общие.

Но мы верили в свое светлое предназначение и работали, не глядя на часы. Я считал себя исключительной личностью – ведь я был единственным среди толпы ученых, кто мог реально делать то, к чему они стремились. Я не задавался вопросом, а существуют ли подобные мне, некогда было задавать вопросы – темп был задан очень жесткий. Мы невольно участвовали в гонке, о существовании которой не догадывались.

Сеанс за сеансом, обвешанный датчиками, под перекрестным прицелом психологов и аналитиков, я отвечал на тесты, вглядывался в мутные картинки своего сознания, пытаясь стабилизировать эффект проникновения. Что толку от спонтанного процесса – сегодня прочитал, а потом проходит неделя за неделей и тишина. Нужно узнать, как сделать этот процесс управляемым. Постепенно я подобрал ключик к своему сознанию, научился управлять собственными спо-

собностями, осознав причину проникновения в чужой мозг. Рассказывать сейчас просто, а тогда все узнавалось в первый раз. Слова «мыслеобраз», «синхронизация», «слияние» порождали мы сами, чувствуя себя творцами новых слов в великом русском языке. Выразить обычными словами ощущения в момент синхронизации просто невозможно. Мысли нельзя выразить набором слов. Слова – производные, огрубленный результат работы мысли. Образ неуловим, аморфен, растворен в миллионах нервных образования мозга. Его нельзя локализовать, сфотографировать, потому что у него нет конкретного места расположения.

Нет в нашей памяти полочек и кладовочек – здесь воспоминания детства, здесь первая любовь. Все перемешано, перекручено, каждая нервная клеточка может участвовать в создании нескольких мыслеобразов, сплетая своими отросточками сеть связей. Оператор должен создать условия для возможности образования аналогичной сеточки в своем мозге, подстроить себя под источник и не потерять себя при этом.

Синхронизация! В моменты невольного проникновения я неосознанно начинал сливаться с объектом проникновения, то есть копировал его жесты, взгляд, мимику, позу. Старался говорить так же, как он, иметь под рукой такие же предметы, чтобы чувствовать их на ощупь. Цепочка совпадающих ощущений складывалась в причудливую картинку и в какой-то момент эта картинка совпадала с аналогичным мыслеобра-

зом объекта. Происходило слияние, я оказывался внутри его сознания.

Если быть точным, то не оказывался внутри, а как бы становился тем самым объектом. Меня втягивало в его сознание, и я с удивлением любовался своим новым телом, ощущал несварение желудка и головную боль, сожаление от неудачного доклада руководству и заинтересованность при виде очередной короткой юбки. Синхронизация полностью соединяла меня с объектом приемником, я растворялся в его воспоминаниях и чувствах, жил его жизнью. Я становился им, теряя себя.

Именно теряя. В первый раз, когда синхронизация удалась в полном объеме, ученым с огромным трудом удалось вытащить меня обратно. Для этого пришлось погасить объект-приемник ударной дозой снотворного. Только тогда я сумел обнаружить кусочки себя среди океана чужого спящего сознания. Обнаружить и понять, что нужно вернуться обратно, вернуться в себя. После того случая участники события без всякой улыбки встречали фразу «Вышел из себя, возвращаться не обещал!»

Мы радовались нашим успехам, не до конца понимая последствий собственных успехов. С получением четкой синхронизации работать стало веселее, всех охватило невиданное воодушевление. Идеи витали в воздухе, и я старался попробовать все, что мне предлагали. В самом начале на полном серьезе мы зачитывались сочинениями Кастанье-

ды и пробовали с помощью мескалина и ЛСД усиливать синхронизацию, раскачивать сознание, подстегивать его наркотическим кнутом.

Наше счастье, что вовремя остановились – привычка окутаться в наркотический туман могла подменить собой стремление усилить синхронизацию. В самом деле – попробуй докажи, что ты, сидя под кайфом, изо всех сил занимаешься программой эксперимента. Сидишь себе, витаешь в призрачных видениях, шагаешь по облакам, летаешь птицей, и дела тебе нет, что вокруг с напряженными лицами застыли десятки лаборантов, ученых, медиков, что стучат самописцы, компьютеры пишут в бездонные недра мегабайты данных.

Мы многое не знали и поэтому были живы. Потом узнали. Узнали, что можно шагать через цепочку сознаний так же легко, как цапля по болоту и ловить своих лягушек очень далеко от места первичного проникновения. Тогда ОНИ испугались и сделали поспешные, но жесткие выводы. Вся цепочка, ведущая от верхушки к нам, была жестоко вырублена. Сверху донизу. Каждый нижестоящий получал приказ уничтожить своего начальника, потом приказ поступал к его подчиненному. Самых близких из контактирующих с нами – ученых, охранников, обслугу, даже случайно могущих иметь информацию о верхах, – уничтожали новые хозяева.

ОНИ стали умнее. Никаких непосредственных контактов, полная обезличка, контакты посредством электронной по-

чты, телефонов с измененной модуляцией. Никаких ниточек, никаких кочек в болоте. Ровная зыбучая трясина сразу же за сознанием лиц, непосредственно с нами контактирующих. Для большего ИХ спокойствия персонал следовало бы полностью уничтожить, чтобы максимально обезличить наши контакты. Но тогда некому будет нас лечить, кормить и охранять. Охранять, чтобы в случае опасности пристрелить – враг не должен получить нас ни в каком виде. Мы даже не бомба – мы полное разрушение ИХ власти, потому что знаем такое, чего никто знать не должен.

Это было давно, бесконечно давно, два года тому назад. Усталость приходит вместе с опытом. Я еще не научился отстраиваться, подавлять ненужные участки активной памяти. Самое интересное, никто не знает можно ли этому научиться, но все верят в эту возможность. Не верить нельзя, иначе становится страшно. А страх вызывает желание умереть, заставить замолчать тысячеглавого монстра, порожденного тобой самим.

Но умереть нам нельзя – за спиной клятвы, документы, жизни близких людей. Случайно погибнуть можно, хотя результат тот же и мы знаем об этом. Знаем, чтобы никакая случайность не сыграла нам на руку. Мы повязаны со всех сторон, как мухи в паутине. Я даже толком и не знаю, кто

мы, но нас несколько – это факт, – и все в одинаковом положении.

Мария была моим первым куратором, ангелом в белом халате. Я влюбился в нее с первого взгляда, но в ее чувствах никогда не находил ответной реакции. Она улыбалась мне, смеялась моим шуткам, с удовольствием и терпением выслушивала мои рассказы о путешествиях в мире чужих сознаний. Заглядывала в мой дневник через плечо, когда я делал заметки, и ее волосы волнующе щекотали мою шею. Я считал, что она отвечает мне взаимностью, что для нее не секрет моя влюбленность. Разве она не видит искреннюю и нежную любовь в моих глазах? Неужели она не слышит ее в моих словах? У меня не было сомнений, и я был счастлив.

Поначалу мне казалась кощунственной сама мысль о том, что я могу проникнуть в ее сознание, настолько священна для меня была эта любовь. Любовь не была для меня первой в жизни, но именно в тот момент я считал ее самой настоящей, самой искренней. Ожидание встречи, разговор с ней, воспоминание о том, как она была одета, и не делалось ли это специально для меня – вот мир моей любви. Я купался в ее потоке, радуясь, что могу любить.

Единственный вопрос отравлял мою счастливую жизнь, делал любовь какой-то ущербной, ненормальной, детской – отвечает ли она мне взаимностью? Это так легко узнать, стоит только разочек заглянуть ей в душу, но я отгонял от себя эту дьявольскую мысль. Отгонял, но она возвращалась вся-

кий раз, как мы расставались с Марией. Она уходила, щедро раздавая улыбки и воздушные поцелуи многим, не выделяя меня особо из прочих.

Постепенно я привык к той легкости, с которой чужие тайны раскрывались передо мной. И однажды не смог удержаться, черт попутал, неизвестность показалась особенно ужасной – я сорвался. Одним прыжком я оказался в ее сознании, для синхронизации давно все было готово. Осознав содеянное, я дернулся было, чтобы удрать, убежать, забыть, но не смог. Увиденное заворожило меня своей хирургически беспощадной жесткостью.

По-своему она меня тоже любила, но больше, как подопытную мышку. Мышку, которая радуется экспериментатора, правильно угадывая, на какую педальку нужно надавить, чтобы получить кусочек сыра. Она не была бездушной или холодной. Ее жизнерадостный смех часто разряжал накаленную обстановку тупиковых споров, она умела найти теплое слово для каждого, могла разговорить даже заику-паралитика. Она умела быть душой компании, хотя все в ней было подчинено работе, стремлению к успеху. Она использовала свои способности объединять и примирять, чтобы ничто не мешало ее движению вперед. Все окружающие люди просто служили ее целям, поэтому она была с ними мила и приветлива.

Я чувствовал себя ужасно, мне казалось, что я сам виноват в том, что она меня не любит. Я искал для нее оправ-

дания, но все они оказывались несостоятельными перед лицом факта – Мария любила только свою работу и ради нее готова была улыбаться хоть черту. Я вытравливал из своего сердца любовь к Марии несколько недель. Все это время бросал на нее грустные взгляды исподлобья, словно обвинял в предательстве, пока однажды она не поинтересовалась моим здоровьем.

– Сеня, мне кажется, вам нездоровится! В последнее время вы выглядите утомленным. Может, сегодня мы закончим пораньше? Хотите, выпьем кофе, послушаем музыку у меня в комнате? Вы какую музыку больше любите? – спросила она голосом, полным теплоты и заботы.

Как же, я нарушал ее планы, срывал график, нужно сделать все, чтобы «мышка» пришла в норму. Тогда мне пришла в голову шальная мысль подловить ее на этой страсти и поставить ультиматум – ночь любви за отличное здоровье до конца эксперимента. Чем плохо? Как вы со мной, так и я с вами! Потерянная любовь требовала отмищения, немедленного и неотвратимого. Сейчас или никогда, заставь ее на себе испытать страх «мышки», почувствовать, что тебя используют. Используют, как продажную женщину – секс в обмен на возможность продолжения экспериментов. Узнай, как это ужасно, Мария! Идея вызвала в моем взгляде столь неадекватную реакцию, что Мария не на шутку встревожилась.

– К черту кофе, – буркнул я раздраженно, – и музыка мне ваша не нужна. Я лучше спать пойду, голова разболелась.

– Голубчик, вам срочно нужно пройти обследование, – тотчас же обеспокоилась она, смирившись с потерей времени, ради спасения всего проекта, – давайте прямо сейчас в медблок, девочки вернут вас к жизни! – она ласково погладила мою ладонь.

Меня как током пронзило, столь могучая синхронизация рванула мое внутренне око в ее душу. Я летел на крыльях надежды, на краткое мгновение мне показалось, что я был к ней несправедлив, что именно сейчас увижу в ее сердце глубоко спрятанную любовь. Я моментально придумал легенду о том, что она пожертвовала своей любовью ко мне, чтобы сделать эту работу.

Она жертва, а не охотник, я был к ней несправедлив – кричало мое сознание, влетая на крыльях любви в ее душу. Холод и мрак, лед безразличия и безжалостный жесткий свет профессионального интереса, жалость о бесполезно потерянном времени, мысли о том, чем заняться в период вынужденного простоя – это все, что я смог найти в ее холодном сердце. Моя любовь угасла, отморозила крылья, задохнулась в вакууме.

Тогда я решил для себя, что любить такого урода, как я просто невыносимо. Напрасно я терзаю себе сердце, надеюсь на нежные чувства и свадебный кортеж. Подумай, кто ты и кто она?

Ты сенс, телепат, охотник за чужими мыслями, взломщик сознаний. Твоя задача в мгновение ока узнать все, что чело-

век скрывает от других, а порой и от самого себя. Ты узнаешь о нем всю подноготную, перетряхиваешь грязное белье на пыльных чердаках его памяти. Поневоле становишься свидетелем постыдных событий в жизни человека, о которых он не хочет не то что говорить, но и вспоминать. Чтобы получить все это, тебе достаточно мгновения.

Мария – обычный человек, женщина, умница, красавица, специалист с прекрасным будущим. Она может заблуждаться, подолгу беседовать с другим обычным человеком, выпытывая у него тайны и сплетни. Этот разговор приносит ей удовольствие не информацией, которую она получает, а самим процессом. Женский разговор сродни охоте кошки за мышкой – подолгу подкрадываться, прикидываться равнодушной, делать выпады и, наконец, заполучить мышку в коготки. Потом поиграть с ней, демонстрируя собственную ловкость и силу, отпустить и сделать вид, что жертва тебя совершенно не интересуется. Снова набросится, как только жертва получит надежду на спасение. И так играть, пока не пресытишься игрой.

С точки зрения Марии ты лишаешь ее этой радости, более того беззастенчиво вламываешься в святая святых любого человека – ее мысли, память. Девушка с трепетом ожидает того мгновения, когда мужчина в первый раз увидит ее наготу, прикоснется к самым потаенным интимным местам, проникнет в нее, неся наслаждение и боль.

Но проникновение в память страшнее и ужаснее наготы,

это нагота в квадрате, в кубе. Нормальный человек ни за какие коврижки не согласится даже на краткое мгновение добровольно впустить кого бы то ни было в собственную память. А ведь Мария нормальный человек. Почему тогда ты решил, что она может тебя полюбить, зачем тебе ее любовь?

Может быть, вся история любви к Марии изначально была глупостью, а быть может естественной реакцией на неожиданные перемены в жизни. Я инстинктивно выбрал себе привязанность, чтобы сердце не разорвалось от душевной пустоты.

Потом началась Великая чистка и Мария ушла из жизни, мою память заблокировали, чтобы нежелательные воспоминания не мешали работе. Заблокировали не всю память, а только маленький кусочек ее, связанный с событиями до и во время чистки. Я не должен был вспомнить Марию. Я не мог вспомнить чистку. Меня заставили вспомнить ЭТО, заглянув походя в совершенно закрытую область памяти.

Кто это был, был ли вообще, не плод ли это усталости и постоянного напряжения? Я запросто мог придумать Марию и собственные переживания, с ней связанные. У меня нет веских доказательств, что внезапно ожившие воспоминания реальность, а не плод большого воображения.

Если я уверен, что в моей памяти копались, пока я отслеживал клиента, значит группе Альфа грозит опасность быть уничтоженной прямо во время операции. Но если я просто нервничаю, если серая рыбка плод моего большого вообра-

жения, то я лишаю группу единственного шанса получить артефакт. В следующий раз артефакт планируется использовать в боевой установке, а значит, шансы моей Родины выстоять в войне снижаются до нуля. Я должен принять решение.

К черту! Это не мое дело, эти угрюмые ребята из спецназа каждую минуту готовы к смерти. Их воспитывают, вдальбывая потом и кровью – выполни поставленную задачу или умри. Кто я такой, чтобы на основании бредовой догадки останавливать спецов? В мозгу копошилась трусливая мышишка – если с группой что-то случится, я буду точно знать, что кто-то меня взял на прицел. А пока мне нужно защитить себя, свой мозг, свою память – это важнее жизни десятка рядовых исполнителей.

Легко говорить о героизме, когда это не касается конкретно твоей шкуры. Можно порассуждать на тему народных героев, пожертвовавших собой ради спасения других. Но скажите честно, самому себе, без свидетелей, глядя на приближающийся с огромной скоростью грузовик – готовы ли вы ради спасения жизни других немедленно броситься под его колеса? Нет? Тогда вы меня поймете, не герой, не храбрец, нет во мне гонора, есть простое, свойственное каждому живому существу, желание выжить, спасти себя драгоценного для своей будущей жизни, долгой и безоблачной.

Постаравшись затолкать поглубже гаденькое чувство вины, я быстро накатал отчет куратору, опустил несущественные детали, зашифровал и скинул в почту. Отчет прежде всего, информация должна уйти, чтобы начать работать. Информация – это энергия, отправная точка, основа любой работы. Оперативники выходят на объект, с риском для жизни добывают основу для синхронизации, доставляют ее мне и я должен завершить этап получения информации. Должен ответить на вопросы, ради которых некоторые лишаются здоровья и жизни.

Мне хорошо сидеть в теплой комнате, за тысячи верст от опасностей под охраной батальона спецназа. Нет нужды соваться под пули, и страдать под пытками. По крайней мере до сих было хорошо, пока не получил щелчка по носу от такого же уroda, как сам. Нет, урод неприятное слово, пусть лучше мы будем гениями, вершиной развития homo sapiens, началом новой расы homo senses. Понесло, раздухарился, как глухарь на токовище. Не зазнавайся, Сеня, будь скромнее, как любила говорить моя бабушка.

Каким образом он меня зацепил, как синхронизировался? Чтобы знать, как защищаться, нужно определить способ нападения. Я не знаю противника, он меня тоже. У нас нет основы для синхронизации. Или есть?

Я никогда не контактировал с другими психосенсами. Совершенно случайно, скорее по привычке, чем по убежде-

нию, нас сразу разделили по отдельным исследовательским комплексам с самостоятельными бригадами сопровождения. Совершенно случайно в разных бригадах не было лиц, контактировавших с другими бригадами. Их набирали из различных источников.

В каждую бригаду входили охранники, врачи, диетологи и кулинары, ученые разных профилей, безопасники, аналитики. Врачей и ученых ловили на «интерес», обещая феноменальные исследования по их профилю, полное финансирование и материальные блага, как во время работы, так и особенно после ее удачного завершения. Всем прочим просто отдали приказ, погрузили в наглухо закрытые транспортные средства и кружными путями забросили на точки.

Эту информацию я случайно «подцепил» в голове одного из проверяющих буквально сразу после зачистки. Проверяющий вспоминал, сколько это все создавало трудностей, хотя такой подход однозначно способствовал сохранению тайны. Так поступали всегда, когда дело касалось секретов с грифом «Только для группы А». По этой причине на проблемы плюнули и подготовили пятнадцать бригад. Десять для работы, две для оперативного усиления объектов, подвергшихся нападению и три для зачистки всех остальных бригад по окончании исследований. Меры не казались проверяющему избыточными, особенно, если учесть с какими объектами бригады имели дело.

Я узнал тогда общее количество таких, как я и понял, что

не только у меня нет обратной дороги. Я понял, что таких как я, будут беречь до последнего. Жертвуя всеми, будут спасать меня и мне подобных. И только в крайнем случае меня ликвидируют, потом ликвидируют ликвидаторов и тех, кто непосредственно получил и отдал приказ о ликвидации. Цепочка должна быть разорвана надежно.

Я узнал, что проверяющий полностью отдавал себе отчет в том, что именно его уберут первым, но он был солдатом старой школы. Такие не пугаются и не ищут запасной аэродром. Закусив губу, они прут на амбразуру дзота и закрывают ее своей грудью. Потому что так надо, потому что так они служат Родине, потому что другой дороги для себя не знают.

После окончания комплектации базы он зашел ко мне в комнату, скорее похожую на тюремный бокс, чем на жилище свободного человека. Он не мог вызвать меня к себе – я никто, меня нет в природе. Но в рамках общей проверки базы он имел полное право зайти в каждое помещение. Именно в рамках, потому что вся проверка была затеяна ради этого трехминутного визита.

Он вошел один, приказав сопровождающим дожидаться снаружи. Плотно прикрыл дверь и молча посмотрел мне в глаза. Он не сказал ни слова, потому что он знал ТАЙНУ, хотя по всем правилам знать ее был не должен. Считалось, что он вне игры, на общих правилах, ему доверили оснастить обычный объект повышенной секретности. Он не должен был знать обо мне ничего, кроме имени и фамилии, ну

разве что номер продуктового аттестата. Но он знал. И это многое меняло.

Именно потому, что он знал, ему не нужны были слова. Все нужное я прочитал в его сознании. Большими буквами там было написано «УРОД! СВОЛОЧЬ! УБИЛ БЫ, ДА РУКИ КОРОТКИ!» Далее мелким текстом нетрудно было прочитать: «Мне не нравится вся эта затея. Это оружие ударит по нам самим. Если таким, как ты позволить расплодиться, жизнь потеряет смысл. Ты знаешь, как страшно, когда тебя выслеживают, подслушивают, подстерегают. Когда твою жизнь окружают молвой, слухами, клеветой. Но всегда осталось святое право на свободу мыслей. Не свободу высказывать мысли, а именно свободу мыслить и верить во что-то светлое. Верить вопреки партии и уставу. Ты и тебе подобные отбирают у нас эту свободу! Когда-нибудь ты поймешь, что впереди тупик, стена, а в затылок упирается ствол. У тебя еще есть возможность выбора, хотя ты к этому не готов. Ты еще не волк, но уже не щенок. Не дай тебе бог, стать бешеным псом!»

Он стоял и смотрел мне в глаза. Три минуты. Три минуты, показавшиеся мне вечностью. Я не знал в тот момент ничего о чистке, потому что моя память уже была заблокирована. Меня оградили от ненужной информации. Для меня его слова показались в тот момент кощунством, покушением на святое – ведь я боролся с врагом, покушающимся на нашу Родину. И все-таки его мысли заронили в меня искру со-

мнения. Я моргнул, «дочитав» его послание до конца, и он понял, что оно дошло по назначению. Проверяющий молча отвернулся, открыл дверь и продолжил инспекцию каждого помещения.

Кроме неприятного ощущения в моей памяти осталось понимание, что каким-то неведомым способом проверяющий открыл для меня только один небольшой участок своей памяти. Я инстинктивно старался в момент синхронизации расширить рамки своего «зрения», но меня словно заперли в маленькую черную комнату без окон и дверей. Как он это сделал, осталось для меня загадкой. Случайной ли была «утечка информации» при таких его способностях?

Скорее всего нет! Мне разрешили узнать определенную информацию, чтобы... я мог определиться со своим местом в этой жизни и своей ролью в эксперименте. Мне дали намек, что я не слепое орудие и не обязан следовать чьим-то установкам. Всегда есть выбор... Иной раз лучше умереть, чем делать то, что от тебя требуют.

Спокойно, дыши ровно, глубоко, расслабься! Вдох, задержать дыхание, выдох, задержать дыхание. Вспоминай! Еще разочек прыгаем к последнему клиенту, быстро прислушиваемся и назад. Тишина, мрак, нет поклевки. Еще раз, чуть дольше держим контакт – результат тот же. Меняем тактику.

Заставим клиента внезапно и сильно вспомнить что-нибудь особенно неприятное, эмоционально окрашенное. Для психосенса – это как пожар в лесу, зенитный прожектор в глаза. Прореагируют все, по крайней мере «оглянутся», чтобы проверить, не связано ли возмущение с контролируруемыми ими объектами.

Контакт, картинка, мутим водичку, усиливаем картинку, заставляем клиента почувствовать воспоминание на осознанном уровне. Есть, клиент «мигнул» – вспышка, дай бог, не ослепнуть. Сразу же постороннее внимание рванулось в мою сторону. Я почти поймал его, но он успел убрать следы присутствия и вырвал хвост из моих зубов. Хитрая бестия.

Эй, ты кто? Мы одной крови – ты и я! Я друг, я не сделаю ничего, что бы могло нанести тебе вред! Нашим хозяевам нужна смерть, власть, деньги, но нам этого не нужно. Отзовись, неизвестный! Давай дружить! Тебе не надоело одиночество?

Легкое колыхание на границе восприятия психополя и снова тишина. Он слышит, он знает, что это именно я, но молчит. Сделаем еще попытку. Я широко распахиваю свое сознание, тянусь к нему, демонстрирую самое искреннее доверие и надежду.

Черт!!! Что это было? Мозг едва не расплавился от мощного воздействия. Он АТАКОВАЛ меня! Сволочь, урод! Он собрал в кучу все мои самые яркие эмоции и смешал из них компактную эмоциональную бомбу. Я одновременно пытал-

ся умереть от счастья, радости, любви, страха и ненависти. Это нечестно, так нельзя, копошились в черноте взорванного сознания ошметки обиженных мыслей.

Мыслей маленького ребенка, обиженного более сильным, ребенка, у которого отняли игрушку или конфету. Защищайся, придурок, пришла злая мысль от более взрослой части сознания, той которая приучена бить в морду кулаком, стрелять во врага из пистолета. Да, да, нас и этому учили. На всякий случай, если придется с оружием в руках отбиваться от противника, защищать базу и свою собственную персону.

Но здесь нет врага, в которого можно выпустить обойму из пистолета или полоснуть по горлу ножом. Я не знаю, как защищаться от ЭТОГО, нас этому не учили, заорал я мысленно. И тут же был снова атакован. Теперь он собрал в кучу всю боль, испытанную мной в жизни и усилил ее непонятным мне способом. Боль согнула меня дугой, вывернула наизнанку, я почувствовал страх.

Страх загнанного животного, беспомощного перед беспощадным хищником. Атакующий умудрился вытащить из моего подсознания родовые муки, когда голова сминается и плющится, проходя по родовым путям. Он заставил меня почувствовать себя жалким червяком, извивающимся под каблуком незримого и безжалостного великана.

В голове взрывались ядерные бомбы, пронзая все тело до самых пяток мучительной болью. Гремели колокола, сту-

кая меня своими звонкими боталами по кумполу. Трещали звонки гигантских телефонов, вкручиваясь в мозг раскаленными шампурами. Проносились курьерские поезда, стуча колесами прямо по голове. Горящие самолеты с ревом падали на меня и взрывались с грохотом, разнося мой мозг на мелкие кусочки.

Из меня вили веревки, мной управляли, как марионеткой, меня наказывали методично и жестоко, а я не мог ничего противопоставить этому злу. Я даже не чувствовал его присутствия. Я не мог засечь момента, когда он впивался в мое сознание, чтобы начать подготовку к очередной атаке.

И все-таки в его издевательствах был определенный ритм. Он атаковал мой мозг каждые пять минут, как по хронометру. Потом наступил длинный неожиданный перерыв, похоже мой мучитель отвлекся на обед. Ну, надо же, он еще и обедает, сволочь! От мыслей о еде меня лично мутило.

Я по кусочкам собирал себя из того, что совсем недавно было моим сознанием. Как призрак, я бродил по пепелищу собственного сознания и грустно убеждался, что меня поймали в полном смысле этого слова. Враг не сумел выкачать мои хранилища, но существенно изуродовал их. Пройдет несколько часов, он отдохнет, выпится, наберется сил и добьет меня окончательно. Ему некуда спешить, он король ситуации. Думай голова, думай, шапку куплю!

Легко сказать, думай! А если голова болит, как после тяжелой пьянки? Вот только пьянки не было. Лучше бы на-

пился, было бы неприятно, но понятно. А сейчас не знаешь, чем то похмелье выгнать. Тут стандартный клин не сработает, а тот клин нам не нужен.

Бум-м-м, бум-м-м, бум-м-м, господи, неужели снова? Не хочу, не буду, оставьте меня в покое, я не сенс, я обычный деревенский дурачок, идиот с большой буквы! Не нужно так стучать меня по голове, это же не бочка!

– Вообще-то это в двери стучат, – голосом полным сочувствия отозвался оптимист.

– Ты думаешь, он понимает, о чем идет речь? Ему сейчас козу покажи, он в штаны наделает от страха. Козя, козя, козя! – издевался пессимист, явно довольный моим состоянием, – Раньше нужно было думать, до того как очертя голову сунулся в это болото.

– Не понял, – с трудом ворочая тяжелыми жерновами мыслей, пытался я ухватиться за кончик спасительной ниточки, брошенной мне моими вечными спутниками, – к-к-какой еще стук в дверь? Кому стучат в дверь? Зачем?

– Догадайся с трех раз, сколько дверей в этой комнате? Естественно тебе стучат! Я бы на твоём месте открыл.

– Он откроет, как же, ему бы только слюни пускать от жалости к себе и в шкафу спрятаться.

Бум-м-м, бум-м-м, бум-м-м. Ага, теперь я и сам осознал, что стучатся именно в мою дверь. Только кто может ко мне стучаться, тут так не принято, да и нет на базе ни одного желающего вот так вот запросто прийти ко мне в гости и тара-

банить в дверь. Делать нечего, с трудом оторвал себя от кровати и потащился к дверям.

Перед дверью обнаружился молодой, рыжий парень в синем комбинезоне технической службы с аккуратным черным дипломатиком в руках.

– Чего нужно? – не очень любезно встретил я гостя.

– Так это... запрос поступил, что у вас это... телефон не работает, так я это... чинить пришел, – расплылся он в довольной улыбке.

Вот же морда, сперва по башке мне тарабанит, потом шутики дурацкие шутит, котяра рыжий.

– Кто тебе сказал, что у меня телефон не работает? Шутки шутим? Сегодня не первое апреля! Я лично никого не вызывал!

– Из диспетчерской позвонили, так я это... у меня и наряд есть, мы ведь это... без вызова не ходим. Мы понимаем, у нас это... порядок, во! – громко, словно докрикиваясь до безнадежно глухого, жизнерадостно заорал техник.

– Быстро! Иди, смотри, чини, делай, что нужно, только тихо! Я понятно выразил свои мысли? – откинув всяческий этикет, неприязненно спросил я.

– Чего не понять, мы это... работаем тихо, инструмент у нас это... – он продолжал болтать, раскладывая инструменты на столике возле телефона, – хороший у нас инструмент. Телефония, она же это...

– Ты молча работать умеешь? – прижав к голове мокрую

холодную тряпку, с тоской спросил я назойливого техника.

– Так скучно же. Я в этом секторе отродясь не был, чего тут чинить? – охотно отозвался техник очередной очередью слов, – Отродясь у ассен... извиняюсь, в вашем секторе ничего не ломается, потому мы это... сюда не ходим. А интересно узнать бывает, это... как оно работа-то ваша? Я бы это... в жизнь не пошел бы на такую работу, как же, извиняюсь, к такой работе отношение получают? Учат где или как?

– Или как... – обреченно пробормотал я, – с телефоном что?

– Ничего с телефоном, он у вас это... нормальный телефон. Алло, диспетчерская! – неожиданно заорал рыжий в трубку.

– Чтоб ты сдох! Ты чего орешь, идиот?! – я сполз по стенке от грохота, который гулким эхом вспарывал мой мозг.

– Извиняюсь, – прошептал он еле слышно, прикрыв трубку телефона, – Все починено, диспетчерская, наряд 196 закройте, я дальше пошел.

Он осторожно положил трубку на место, собрал инструменты, стараясь не звякать лишний раз, и вышел, пятась задом.

– Всего хорошего, вы это... аспиринчику выпейте, оно это... после этого дела, – он щелкнул себя пальцем по горлу, – сильно способствует. Хотя конечно лучше рассола никто ничего не придумал. Только где же его взять тут? Монастырь!

– Выпью! Таблетку, рассолу, яду, все выпью! У тебя все? Расписаться нужно? – я довольно бесцеремонно выталкивал его за дверь.

Господи, какая тишина, какое блаженство, как мало нужно человеку для счастья. Немножко покоя и тишины. Как хорошо было Робинзону Крузо на своем необитаемом острове – я тоже хочу сейчас на маленький необитаемый остров. Только море и шум ветра и никаких телефонов и стука в дверь.

Дз-з-з-з-инь... Накаркал.

Звонит телефон. Точно, это не в голове, это обычный телефон. Сними трубку и постарайся не выдать своего состояния дрожащим голосом и безликим разговором. Ты поработал, ты хорошо поработал, ты умный, сильный, удачливый и сейчас звонят, чтобы выдать тебе очередной пряник. Хотя...

– Алло! Слушаю! – бодро с улыбкой на губах отвечаю я в трубку. Улыбка – обязательный атрибут телефонного разговора. Ты улыбаешься, а твое настроение проецируется собеседнику.

– У вас все в порядке? Работа прошла без проблем? – ровным тоном интересуется куратор.

– Да, все чисто, клиент даже не почувствовал контакта.

Что-то не так? – изображаю я легкий интерес и почти возмущение.

– Нет-нет, все в порядке! Премияльные как обычно, плюс дополнительная премия за важность решенной задачи. Отдыхайте, будьте готовы к следующему заданию в самое ближайшее время! – как-то слишком поспешно успокаивает меня куратор, не пытаясь задать прямого вопроса.

– До свидания! – прощаюсь я с нескрываемым вздохом облегчения.

– Всего хорошего! – сухо отвечает куратор и вешает трубку.

Гудков в трубке нет. Тут вообще никогда нет гудков. Ты поднимаешь трубку, тебе отвечают. Если десять секунд нет ответа, значит, трубку можно положить. Абонента уведомят о твоём интересе к нему и он, при необходимости перезвонит. Очень разумно, удобно, но как-то не по-человечески.

Поговорили. Голос безликий, серый, явно искаженный кодером. По такому голосу сложно синхронизироваться, практически невозможно. Практически. Но в этом случае контакт получился. Получился, потому что мы думали об одном и том же. Я предполагал, а он знал, четко знал – группа Альфа попала в засаду и была полностью уничтожена. Они даже не подошли к сейфу, их уничтожили на подходе, всех сразу. Группа снайперов стреляла как в тире. Мне было страшно, я хотел узнать больше, но наученный горьким опытом, не стал лезть глубже. Вдруг и у нас появились такие же

волкодавы, из породы которых мой недавний мучитель.

Почему он сразу не пресек моего контакта с клиентом? Почему ждал до последнего? С какой целью ждал финиша? Неужели ему было все равно, узнаю я что-то или нет? Судя по силе его атаки, это не просто сенс, это суперсенс. Нас такому не учили. Но если он так силен и опытен, почему он позволил мне проникнуть столь далеко в своих исследованиях?

Его задача – ментальная охрана, он должен был перехватить меня сразу, как только я проявил интерес к его подопечному. Но что-то ему помешало. Не железный же он, может быть голова заболела, а может быть отвлекся на чемпионат по футболу. Он меня прозевал, это однозначно, и обнаружил свою промашку в самом конце сеанса, когда все данные уже были получены.

Он вышел на меня по той простой причине, что мы были одинаково синхронизированы на одного подопечного. В какой-то момент он уловил дополнительную энергию и развернул свои ловчие щупальца пошире. Я не знаю, каково это почувствовать третьего в сознании, что происходит с тобой, когда складывается три синхронизации, но для него это явно было не в новинку.

Проклятая секретность, если бы можно было работать вместе с остальными нашими сенсами, сколько нового мы бы узнали еще тогда в период исследований. Но поздно махать кулаками после драки. Сейчас я даже не успею стронуть с ме-

ста махину нашей надстройки, чтобы она приняла решение о новых действиях.

Хотя главная причина моего бездействия скрывается в другом. За эти два года я четко осознал для себя – если что-то пойдет не так, нас сперва ликвидируют, а потом займутся подсчетами убытков. Поэтому временно я обречен оставаться в одиночестве. Я не трус, но собственная шкура мне дорога как память. Если бы можно было предупредить ребят о возможной опасности, я бы, не задумываясь, сделал это. Но...

Никто, кроме куратора, не знает о моем истинном назначении и значимости для базы. Хотя, если быть совсем честным, и он не до конца посвящен в тайну. Для него достаточным знать, что я использую некую секретную технологию для чтения мыслей на расстоянии. Это легко укладывается в мозги, подготовленные многолетней болтовней на тему телепатии. Что за технология, есть ли для этого специальная аппаратура или лекарства – он не знает и не должен знать. Это не его уровень допуска.

Обо всем знают только я и ОНИ. Но весь фокус как раз и скрывается в том, что я не знаю кто именно ОНИ. Цепочка обезличенных контактов, надежная охрана объекта в целом, четкие инструкции обеспечивают сокрытие тайны и прикрытие меня, как от внешнего нападения, так и от желания сбежать.

Я серая рыбка в чужой памяти. Я серая мышка на этой

базе. Мое присутствие не афишируется и контакты со мной не приветствуются. Я нечто вроде прокаженного, политического изгоя, ненормального с неустойчивой психикой, блажь начальства. Блажь не обсуждаемая, обсуждение опасно для зарплаты и здоровья. Куратор – единственный человек, который общается со мной по долгу службы. Он единственный, кто хотя бы отчасти знает мою истинную природу и только он может отдавать мне приказы. Для всех остальных я никто.

По легенде я нечто вроде ассенизатора, но не простого ранга, а секретного. То есть мне доверено чистить клозеты службы безопасности. У них, видите ли, милостивые господа, крыша на секретности совсем поехала. По этой причине даже дерьмо их считается секретным продуктом. К тому же туда может случайно упасть секретный документ, произойти утечка информации. Да вообще, вы просто мало в этой жизни узнали, раз никогда не задумывались, сколько сверхсекретных сведений можно выудить через слив канализации.

К тому же на базе незримо присутствует табель о рангах. Незримо, потому что никто его вслух не обсуждает, но с каждым работником проводится соответствующая беседа. Суть этой беседы проста как лапоть: «Цвет вашей униформы определяет все на этой базе: с кем вы общаетесь, в каком секторе пищеблока питаетесь, по каким коридорам ходите. Не дай вам бог перепутать секторы! Наказание немедленное – на первый раз лишение премии, второго раза не бывает. Почему? А вы подумайте!»

Упаси господи, никто никого не запугивает. Только рекомендации. Общая обстановка на базе должна быть доброжелательной и творческой. Ничто не должно мешать основной задаче. Если Петров обидится на внутренние порядки и затянет невысказанную обиду, то вольно или невольно он начнет мешать работе. Мелкий саботаж, скепсис вместо энтузиазма, высмеивание коллег, распускание слухов. Вся эта пена разрушает общий поток, превращает его в путаницу мелких и крупных водоворотиков, тормозит движение идей и мыслей. По этой причине довольно солидный штат психологов внимательно следит за социальным микроклиматом на базе.

Цветная дифференциация не мозолит глаз, раскрашивая стены в веселый яркий узор. Цвет не навязчив, но из поля зрения не выпадает. Куда бы взгляд не уткнулся, там ты обязательно увидишь цветной указатель. В столовой сегменты выделены цветом и отгорожены прозрачными пластиковыми перегородками от прочих сегментов. Перегородки невысокие, от силы метра полтора, но разговор, негромко говорящих людей, в соседнем секторе не слышен. Ни к чему это – знать, о чем могут говорить специалисты соответствующего профиля.

Смешно скажете? Что может быть секретного в работе ассенизатора? Кто на сколько задание перевыполнил и какие ароматы при этом его волновали? Напрасно смеетесь. При должной сноровке можно выяснить какие коммуникации сообщаются, сколь часто (читай сколько человек живет) необ-

ходимо опорожнять систему в таком то блоке, где отходы бывают специфическими (а не лаборатория ли это?).

Если от безобидного ассенизатора можно получить такую ценную информацию, то сколько ее можно получить от аналогичного работника, прикрепленного к особому отделу? Отсюда и отношение ко мне – не жмись к дерьму, не замараешься; подальше от безопасности – живешь без опасности! Обедаю я, конечно же в секторе технической службы, но столлик у меня особый, свой – привилегия, однако. Так и живем, бродим как зомби по своим коридорам и уровням.

Вы не ослышались, именно уровням. Думали, раз под землей живем, так избушка в три наката и землей присыпана. Комплекс уходит в землю на несколько этажей, сколько точно, никто не знает. Для всех перемещений между уровнями есть лифт – заходишь, нажимаешь нужную тебе кнопочку с соответствующим цветом и едешь куда-то. Мягко так едешь, без толчков, рывков. Не поймешь толком, то ли вверх, то ли вниз, а может и в сторону куда везет тебя умная кабинка. Двери открываются, и выходишь в свой мир.

Один выходишь, потому что лифт рассчитан на одного человека. Если ты механик, то на уровне технического обеспечения, посреди труб, проводов, пара и гуда электрических трансформаторов. Медицинский работник – прямо в приемном покое окажешься, иди себе, режь подопытных кроликов, смотри в глаза умирающим мышкам, спрашивай таких как я: «Что вы чувствуете, если я пропушу через вас ток вот

в таком направлении? А если вот так? Попробуем увеличить напряжение! Не беспокоит? Эй, пациент, очнитесь, вы мне эксперимент срываете!» Конечно, для меня эта пора осталась далеко за спиной, теперь я довольствуюсь обществом видеоконсоли, библиотеки и душещипательными беседами с куратором.

Собственно говоря, куратора я никогда не видел вживую. В том смысле, что визуального контакта с ним у меня никогда не было. Он звонит мне при необходимости по телефону, используя конвертер голоса. Таким образом, я не могу подобрать к нему ключик и просканировать его. Значит, единственная ниточка выводящая меня на НИХ для меня недоступна. Остается вероятность, что я могу выйти на него случайно, встретив в коридоре, в столовой или бассейне. Но случайностей не бывает, потому что мой график ему известен досконально.

Вся моя жизнь как бы поделена на жизнь до и после чистки. Если до нее у меня еще пряталась в уголках сознания надежда, что все это не настолько всерьез, как было сказано, то после я понял – мышеловка захлопнулась. Коготок увяз и всей мышке пропасть. Сейчас от судьбы проекта, от того смогут альфовцы добраться до артефакта или нет, зависит и моя собственная жизнь. В случае неудачи никто не будет искать самую виноватую мышку, прихлопнут весь крысятник разом.

Время еще есть. Провал группы – это не конец всему. Для

провала существует масса причин, от провала никто не застрахован, кроме нас. Так считалось до последнего момента. Но о последнем моменте еще никто не знает. Нужно спешить, осталось не так уж много времени, чтобы найти способ защиты, а лучше бы и научиться контратаковать. Думай, думай!

Большого слона лучше есть по частям, чтобы не подавиться. А мой противник, похоже, очень большой слон. Во-первых, нужно его найти, научиться чувствовать его приближение. Во-вторых, понять, как именно он исполняет атаку. В-третьих, что я могу ему противопоставить? В-четвертых... В-пятых... В-шестых... Довольно планировать, успеть бы справиться с первыми тремя пунктами.

Я попался на одинаковой синхронизации. И он и я продолжаем иметь в запасе эту синхронизацию, но пока он не вытащит ее из запасников, я не смогу его подловить.

С другой стороны он только что синхронизировался со мной напрямую. Пусть он меня поймел, но не может такого быть, чтобы я автоматически не установил обратный контакт. Это происходит на уровне подсознания, мы стараемся автоматически подстроиться к любому, с кем имеем контакт. Просто так, на всякий случай. Это все равно, как вы идете по улице и прислушиваетесь к разноголосому гомону, вылавливая из потока слов отдельные разговоры. Мы не делаем из таких контактов постоянных хранилищ, но подсознание фиксирует самую основу синхронизации, самый ее малень-

кий кусочек, который поможет потом, при необходимости, быстро установить контакт до полного уровня.

Нужно основательно покопаться в мешанине обломков памяти, чтобы разыскать след этого подонка, обмусолить его с разных сторон, подготовиться к атаке или превентивному удару по врагу. Сказать легко, попробуй сделай. Легче найти иголку в сотне стогов сена, чем один маленький кусочек воспоминания в хитросплетениях памяти. Тем более, когда ее пропустили через мясорубку. И все-таки поищем. Потому что другого выхода у меня нет. Другой выход – смерть.

Для начала быстро убираем в сторону все более-менее знакомое, расчищаем подходы к основной свалке. Теперь строим фильтр, осторожно вспоминаем свои ощущения во время атаки. Не хочется, страшно даже вспомнить эти ощущения, но нужно, иначе не отстроиться от мусора. Строим мусор в аккуратные колонны и направляем на фильтр. Как только фильтр поймает нужное, я это немедленно узнаю. Еще как узнаю, лучше бы я ничего не нашел – мелькает трусливая мысль.

Ответ пришел неожиданно быстро. Я готовился к нему, заранее согнулся в позу эмбриона, заткнул рот полотенцем, чтобы не заорать от боли и не откусить язык в приступе, но ответ все равно ударил неожиданно больно. Я перевел дух, потом осторожно отвел драгоценную находку в сторонку. Это он, другого такого нет. Я не пытаюсь активизировать его синхронизацию, потому что еще не время для активных

действий.

Не представляю с чего начать, чтобы ответить на второй вопрос – как он исполняет атаку? Как ему удастся одновременно инициировать сразу несколько воспоминаний. Обычный процесс путешествия в памяти немногим отличается от обычного припоминания. Мысль скачет по воспоминаниям, как белка по веткам. Но никакая белка не может одновременно сидеть на сотне елок. Значит, его подход отличается от обычного процесса. Значит, ОНИ знают нечто нам недоступное.

Как вариант, он мог использовать метод цепочечного резонанса. Мы чисто теоретически, буквально на бегу обсуждали такую возможность, но только как реакцию на слишком сильное возбуждение сознания клиента в ходе «припоминания». Мария тогда сказала, что есть опасность затронуть некую базисную составляющую одного из основных инстинктов. Эта составляющая входит во все производные от нее формы сознания.

Таким образом, если затронуть базис смешного, человек может беспричинно впасть в состояние неудержимого смеха. Но мы поговорили об этом, сделали заметку, что подобные элементы сознания нужно обходить стороной и забыли о возможностях. Мы обучались шпионажу, нас учили быть невидимками. Бой, схватка, нападение – это провал, который был для нас недопустим. Нас не так воспитывали, нас неправильно воспитывали.

Если бы Мария успела или захотела доложить результаты нашего мимолетного разговора своему куратору, то кто знает, как бы решилась ее дальнейшая судьба. Может быть, сейчас она сидела рядом со мной живая и теплая. Но она не доложила, не успела или не захотела. В любом случае причина этого сейчас закопана глубоко в землю.

Спасибо, Мария, ты опять выручаешь меня, именно благодаря тебе я вспомнил про тот разговор! Я почувствовал влагу, выступившую на глазах, и торопливо стер ее тыльной стороной ладони, как нечто постыдное, недостойное настоящего мужчины. Не время лить слезы по погибшим, нужно спасти живых!

Значит, он бьет по базисам. Недаром в каждом сеансе я чувствую только определенного рода чувства, соответствующие выбранному базису. Нужно срочно научиться находить базисы противника и ударять по ним. Боюсь, что в схватке с реальным противником у меня не будет времени на обучение. Мне нужен мальчик для битья, а лучше несколько десятков таких мальчиков, чтобы отработать методику на различных исходных. Я должен научиться делать ЭТО за доли секунды, пока противник не ударил первым.

Самое противное, что я не могу открыто позвонить куратору и попросить прислать мне роту охраны для проведения эксперимента. Не могу, хотя от этого зависит моя и не только моя жизнь. Если они узнают о новых возможностях, их может охватить паника. Сейчас я для них слизняк, способный

к пассивному наблюдению. Но когда слизняк получает возможность поражать любого сколь угодно сильного противника, он становится опасным.

Выход есть. Не самый очевидный, но есть. Где можно отработать болевой базис? Там где человек получает боль. Немножко больше боли, немножко меньше – никто особо прислушиваться не станет. На базе это место располагается в спортзале. Охрана и все желающие, непрерывно чередуясь, мутузят друг друга в боксе, кидают на татами приемами самбо и вышибают дух лихими ударами ног и рук, отрабатывая приемы караты. В каждом ударе, в каждом броске противник получает боль, преодолагает ее и нападает. С этим понятно.

Смех можно отработать в кинозале, там очень кстати сегодня гоняют старые комедии с Чарли Чаплином. Смех, да и только.

Ужас мы найдем в общении с дамами, точнее в подслушанных разговорах. Вы когда-нибудь задумывались, какой ужас испытывает женщина, когда ей намекают на возраст или потерю былой красоты и привлекательности. Ужас женщины бывает притворным и наигранным, но в нем нет фальши – женщина всегда извлекает из своих чувственных кладовых искренние чувства. Даже в случаях, когда нужно ужаснуться цене на косметику, она всколыхнет болото накопленных страхов. Нам мужчинам этого не понять, мы чувствуем, может быть, глубже и тоньше, но в собственных чувствах скупы, как Плюшкины.

Сексуальный. Самый древний и самый могучий базис, но именно за ним мне сейчас гоняться совсем не хочется. Кто согласится на секс по-быстрому с ассенизатором? Нужно обладать определенной долей авантюризма, чтобы пожелать себе любимой такого удовольствия. Даже, если мне повезет и подобная авантюристка есть на базе, то ее еще нужно найти, закадрить и раскрутить на секс. Тут одним часом не отделаешься – слишком длительная программа. Ограничимся первыми тремя базисами, все равно большего мне не успеть.

На повестке дня остался самый важный вопрос – как мне от него защищаться? Или я успеваю напасть первым или он сотрет меня в порошок. В голове возникла картинка – плюгавый щенок стоит, напыжившись, против здорового доberman и думает: «Сейчас рвану первым его за глотку и победа за мной!» Смешно, но очень похоже на мою ситуацию.

Я стряхнул оцепенение. Пора воплощать мысли в дела, время играет не в моей команде и судьи подкуплены противником. На моей стороне только ворота, в которые противник вот-вот начнет забивать голы пушечными ядрами. Бегом в спортзал.

Тренировочный костюм, полотенце через плечо и разминочной рысцой бежим по коридорам по направлению к глухим ударам и резким выдохам, сопровождающим падения

и удары. Очень редко можно услышать стон или крик боли – у настоящих мужчин принято скрывать свои ощущения, чтобы не давать противнику уверенности в эффективности его нападения. Сейчас я изменю эту традицию. Простите, мужики, в конце концов я и за вас тоже радею.

Вхожу в спортзал, приветливо помахиваю рукой присутствующим, но мое приветствие всем по барабану. Я давно и надежно вычеркнут из списка настоящих мужчин. Мне наплевать на их чванство, чем меньше меня замечают, тем лучше. Прячусь за дальним тренажером – невидимый для всех, я отлично вижу весь спортзал.

На татами сошлись тяжеловесы – бойцы наружного охранения, – татарин Борый и латыш Янис. Это не борьба в традиционном спортивном понимании этого слова. Это бой, в котором разрешены все приемы, которыми можно убить противника. С единственным ограничением – до смерти не доводить, серьезных увечий не наносить, иначе накажут по всей строгости, как за порчу казенного имущества.

Я фиксируюсь на Борые, быстро вхожу в синхронизацию, потому что это местные кадры, давно и прочно сидящие в моих ловушках. Ползем по его сознанию осторожно и плавно. Только не в прошлое или будущее, а в обычное настоящее, отбрасывая в сторону все, что не окрашено чувством «боль». Янис бьет татарина по голени и одновременно пытается ударить ладонью по горлу.

Боль!

Борый гасит ее усилием воли и уклоняется от разящей ладони противника. Ответная атака также блокирована. Янис ныряет под удар Борыя и, вынырнув сбоку, коротким хуком бьет татарина по почкам.

Боль!

Борый спотыкается, но снова уходит в сторону, одновременно подсекая противника резким ударом ноги. Янис в падении выдергивает что-то из наплечного кармана и резким ударом втыкает это нечто в незащищенный живот Борыя.

Боль! Боль! Боль!

Высоковольтный разряд на несколько секунд парализует Борыя. Он с грохотом падает на татами. Янис выиграл бой и никто не скажет ему, что электрошок был нечестным оружием. В реальном бою выигрывает не самый честный, а самый предусмотрительный – таков закон боя.

Три разных аспекта боли дают в пересечении одну совпадающую деталь. Может это и есть тот самый базис, пока это только предположение. Для моего внутреннего взора он выглядит как уплотнение среди менее плотных ощущений. От него ко всем ним тянутся толстые и тонкие жгутики связей. Он как опора, обязательный элемент конструктора под названием «боль». Какую бы боль не испытывал Борый, она всегда привязана к этому уплотнению. Более того, она порождается из нее, словно чернильное облачко выплескивается в сторону, оставаясь связанной с основной системой жгутиков. Нужно пробовать.

Янис подходит к поверженному Борью, и протягивает ему руку, чтобы помочь встать. Борый принимает помощь, Янис дергает за руку. Я представляю, как моя воля собирается в тоненький прутик, уплотняется и становится твердой. Этим прутиком я осторожно толкаю сгусток, из него выплескивается небольшая капелька, Борый морщится, но не подает виду, что дружеское рукопожатие принесло ему боль. Настоящие мужчины не обращают внимания на такие мелочи, не то, что некоторые недоделки, как вон тот за тренажером.

Стоп! Я не понял, так это сейчас он в мой огород бросил камешек? Значит это я недоделок? Ах ты...

Янис хлопает Борю по плечу, предлагая пойти в душ и потом в столовую перекусить. В праведном возмущении ударяю в средоточие болевого базиса изо всех сил, мысленно представляя, что это мой кулак врезается в рожу ненавистного спеца, только что задевшего, хотя бы и мысленно, мое мужское достоинство.

Борый охает от страшнейшей боли и падает на татами без сознания. Янис недоуменно смотрит на свою руку, переводит взгляд на Борю, думая, что тот придуривается. Но вид напарника указывает на его полную отключку. Вот это отомстил называется, такое еще долго будут обсуждать в курилке, придумывая самые невероятные причины события.

Печально, но не смертельно. Я искренне сочувствую тебе, парень, потому что на собственной шкуре испытал то же самое. Но другого выхода нет, нельзя научиться драть-

ся, не имея реального противника. Недолго думая, я синхронизируюсь с Янисом, и, как спринтер на стометровке, устремляюсь на поиски базиса боли. Путеводными вешками мне служат его многочисленные ушибы. Есть контакт, легкий щелчок, чтобы подтвердить правильность поиска. Янис складывается пополам, как от удара в живот.

Я не могу точно управлять этой силой. Не могу «ударить» в конкретное место, но мне этого и не нужно. Моя задача ошеломить, подавить, заставить подчиниться. Я пробегаюсь по остальным гостям спортзала и, практически мгновенно, нахожу их болевые базисы. Только эксперимент не совсем чистый. Я работаю по указателям, меня ведут болевые отметки. А мне нужно научиться находить базис в отсутствии подсказок.

Борый очнулся – силен мужик, ничего не скажешь. Спецы недоуменно переглядываются, чертовщина какая-то получается с их точки зрения. Они друг друга не первый день знают, в спаррингах изучили возможности свои и друг друга досконально, здоровье железное – здоровее не бывает. И тут такие странности. Несильный удар Яниса отключает Борю по причине болевого шока – прямо ниндзя какой-то самопальный получается. Потом, ни с того ни с сего, сам Янис почти отрубается от непонятного удара в живот, словно полуживой Борый нанес мощнейший удар. Есть от чего прийти в недоумение.

Извините, мужики, мне бы ваши проблемы. Сейчас я

не могу отвлекаться на мелочи, иначе завтра всех нас зарюют глубоко под землю с аккуратными дырками в голове. Повторенье – мать ученья! Повторить еще и еще раз, народу много, отрабатываем до полного автоматизма, пробуем различные воздействия, для уточнения реакции.

Через полчаса я почувствовал себя полностью измотанным. Голова раскалывалась от боли, но лекарства использовать я поостерегся. Кто знает, какие побочные эффекты могут вызвать таблетки у таких ненормальных, как я. Если голова болит, значит она есть! С таким мажорным выводом я поплелся в душ.

Спецы с ухмылкой отводили взгляды от моей понурой фигуры – полчаса на тренажере и уже в дауне, такие не носят краповых беретов и рубашек в полоску. Хиляк, чувствовал я их единодушный приговор. Ну и черт с вами, на всех не на улыбаешься, всем не понрависься. Вы ведь тоже не подозреваете, что я только что отдубасил вас всех по очереди так, как вас давно уже не дубасили. Сегодняшние болячки вам еще не один день будут аукаться.

С ощущением морального превосходства я крутанул ручку крана. Прохладные струи воды приятно ударили в лицо, смывая соленый пот, усталость, головную боль, раздражение. Пять минут я просто стоял, помаленьку приходя в себя, потом переключил воду на контрастный режим. Смеситель попеременно включал то горячую, то холодную воду, приводя кожу в состояние повышенного тонуса.

Полная имитация из бани в прорубь и обратно, только очень быстро – в бане так не набегаешься. Хорошенько растерев тело махровым полотенцем, я почувствовал даже некоторый прилив энтузиазма. Вот и шути потом, что чистота – залог здоровья! По крайней мере, хорошего настроения это точно.

Итак, подведем баланс, сложим дебет с кредитом. Я знаю, как организуется атака, я могу сам атаковать, я супермен, я круче супермена. Я абсолютное оружие, круче нейтронной бомбы и ядовитых газов. Мой мозг создан быть оружием. Оружием возмездия, карающим подонков всех мастей, превращающим этот мир в добрый и радостный. Не потребуются судьи и присяжные заседатели, можно распустить милицию и тюрьмы. Я приду в любой дом, к любому человеку и от меня нельзя спрятаться в бомбоубежище.

Нарисованная буйным воображением картина всемогущества вдохновляет меня, заряжает энергией, подымает настроение. Я с улыбкой шагаю по коридору, киваю встречным, пропитываясь осознанием, что вне зависимости от их звания, возраста, силы, пола я могу их в бараний рог свернуть. И никто их не защитит, потому что этой тайной владею пока только я.

Стоп, идиот, рано возгордился. Кроме тебя есть еще ОН

и он владеет искусством атаки в совершенстве, а ты как дикарь с компьютером, привязанным к дубине. Супермен хренов, работай, пока тебя самого не свернули в бараний рог! Кроме того, не кажется ли тебе, что все желающие дать счастье человечеству, начинали с утопий, а заканчивали реками крови и горами костей. Скромней нужно быть, Сеня. Вспомни, что говорила бабушка!

Я вспомнил, но не бабушкины слова, а то, что все мои эксперименты касались исключительно мужского пола, а, значит, не могут быть полноценными. Кто знает, какие особенности женской психики могут сделать их более или менее подверженными атаке. И почему ты решил, что твой противник именно мужчина?

Так иступленно мстить за собственную оплошность может женщина, не признающая за собой возможность ошибок. Нужно проверить, деликатно конечно, как я могу воздействовать на женщин. К тому же, чем черт не шутит, может пригодится в будущем. Видишь, к примеру, девицу ноги от ушей, грудь как у Памеллы Андерсон и втюхиваешь ей, что ты самый крутой мачо. Она тебе улыбается и ты...

Очень некстати моим мечтам из-за поворота коридора вырулила сухощавая девица лет тридцати пяти, из стаи аналитиков, в очках телескопах, с рыжими волосами, стянутыми резинкой в тугой хвостик. Мда, явно не Памелла Андерсен, во всех смыслах. Ее манера одеваться в строгие деловые костюмы и разговаривать сухим тоном, лишенным эмоций, от-

вратили от нее все мужское население базы. Идет, вперив взгляд в пол, словно ничего в жизни ей не нужно – она и чистая наука.

Представить себе мужика, дарящего этой вобле цветы, мог только полный альтруист. Как не гадко это звучит, но причинить боль такой особе мне показалось менее неприятным, чем сделать то же самое с сексапильной девицей из медицинского подразделения. Одним словом самый подходящий тренажер для начинающего покорителя женских сердец.

Теперь вспомни, Сеня, точнее придумай, как мужики те сердца покоряют? Свиданья при луне и пенье серенад под балконом для такого случая явно не подходят – нет времени. Нужно что-то голливудское – быстро, с напором, жестко, раз и в койку! Хм, это уж как-то слишком – в койку, нам бы малюсенький экспериментик провести, предварительный сбор данных, ни к чему пациента и врача не обязывающих. Сдайте анализы, за ответом зайдите через недельку, а лучше через месяц. Думай, голова, думай, шапку куплю! Ага, есть, вспомнил, кино это выглядит так...

Девица случайно цепляется взглядом за меня, мой ботинок всплывает в поле ее зрения, нарушая строгую чистоту пола. Спокойно, Сеня, ты мачо, ты крутой мачо, улыбнись соблазнительно, скажи девушке приятное и она твоя! Быстрее рисуешь лицом улыбку записного Дон Жуана, у тебя осталось полсекунды, пока ее взгляд скользит по тебе снизу вверх, ед-

ва заметно задержавшись где-то посередине. Слава богу мимические мышцы услышали строгий приказ и начали перекашивать лицо в указанном направлении.

Чувствую, как рот растягивается до ушей в идиотской улыбке – боже мой, мимика мое слабое место, хорошо если из уголка рта не стекает слюна, чтобы образ дебила был сочным и законченным. Рука автоматически тянется вверх и машет приветливо – мол, привет, кроха! Самое противное, что я слышу собственный голос, произносящий ту же глупость.

Вот же идиот – тебя, что просит кто-то эмоции строить? Ты работаешь с ее сознанием, тебе нет дела до эмоций, мог бы и не напрягаться. Ну, вот нарвался – глаза у девицы, как пятикопеечные монеты, удивление растет – с чего это вдруг ей нагло лыбится в глаза какой-то незнакомый парняга, пакость задумал? И как ты с ней теперь работать собираешься? Сейчас она сплошной комок страха и подозрения, еще мгновение и позовет охрану.

А что сделает охрана с ассенизатором, покусившимся на аналитика? Первым делом отдубасит, потом выяснять начнет, кто начальник у того любвеобильного ассенизатора. Извинятся, конечно, но ребрам и почкам это не объяснишь!

Давай, Сеня, работай, спеши взять ее под контроль, пока она тебе не накатила за панибратское отношение к элите базы. Синхронизация прошла гладко, хотя девица удивленно заморгала ресницами, словно почувствовала мое вторжение. Делаем беглый осмотр территории, нас интересуют именно

уплотнения, которые по моему предположению и являются базисами.

– Извините, заблудился, в каком секторе библиотека? – тяну время, пудрю мозги, заставляю ее сбиться с пути и хотя бы на время забыть про страх. – Страсть как захотелось перечитать Акунина, а вы читали его последнюю вещьцу?

Бровки домиком, морщит лоб, в голове явно идет напряженная работа – трудно быть женщиной-аналитиком, не свойственно это женской душе расставлять все по полочкам. Разбросать в живописном беспорядке факты и аргументы, выдернуть наудачу первое попавшееся и выдать за необходимое – это по-женски. Главный признак аналитика – рассуждаем логично, строго, по пунктам, ничего личного и лишнего, но к женщине все это никакого отношения не имеет. Если, конечно, речь идет о настоящей женщине. В нашем случае аналитик в ней явно сильнее природного начала.

Меньше размышлений, Сеня, погружаемся в сознание чертовой бабы. Сюрприз! Без всяких поисков я с ходу уперся лбом в огромное темное уплотнение, окутывающее весь мозг, ничего себе сюрпризик. Может она больная какая или вампир? Днем наукой занимается, а по ночам у народа кровь пьет. Шутки шутками, но это не может быть нормальным состоянием. Где все остальное сознание, что прячется под черным покрывалом?

По идее, чем больше размер базиса, тем чувствительнее

его владелец к данному виду воздействия. Это как с воздушным шариком – чем сильнее надуешь, тем вероятнее, что лопнет. Осторожнее действовать нужно, не ровен час ткнешь сильнее, чем требуется для пробы и унесут девушку на носилках под белой простышкой от моих невинных забав.

Чего человек боится больше всего – боли, голода, смерти? Что же тебя так пугает, дамочка, что занимает твое сознание с такой необъятной силой? Голод и смерть тебе не грозят, с этим на базе все в порядке – накормят и защитят. А вот боль вполне возможна, что-то неизлечимое, сдерживаемое болеутоляющим или силой воли. Вполне вероятная картинка – для работы на базе смертники подходят более всего.

Итак, принимаем за рабочую версию, что это базис боли. Задача сознания – избежать боли, уберечь себя от опасности, защитить целостность организма. Все остальное вторично. Мертвые не танцуют твист, вспомнилась некстати фраза из какого-то пошлого боевика. Не бойся, детка, я буду ласковым.

Я внимательней оглядел базис, мысленно размял «пальчики», чтобы максимально нежно прикоснуться к главному источнику. Я не садист, я доктор, который нуждается во «вскрытии», чтобы познакомиться с «анатомией» сознания. Для меня эти самые уплотнения пока что загадка из загадок. Не проходили мы их, не было у нас курса «Уплотнения, как основа психической атаки». Никто нам атласов не показывал и в анатомичку на вскрытия не водил.

Вряд ли бы я согласился на подобные вскрытия ходить и тем более самому этим заниматься.

Не представляю, что за радость резать покойников. Есть в этом нечто, находящееся за пределами обычного человеческого понимания. Недаром говорят, что настоящим хирургом может стать только тот, кто малочувствителен к собственной боли и совсем нечувствителен к чужой. Это не значит, естественно, что все хирурги бездушные мясники. Просто не должны у них руки дрожать и тошнота накатывать, когда они в кровище по локоть работают и всякие гнойные раны чистят.

На самом деле никакое хирургическое вскрытие не обнаружило бы в мозгах моих клиентов реальных уплотнений, как и никакое обследование в рентгеновских лучах не выявило бы областей с затемнениями. Уплотнение было образным выражением, интерпретацией хитросплетений психополей чужого мозга. Каждая клеточка мозга излучает свои волны, которые для меня выглядят лучиками и жгутиками различных цветов. Сильнее излучение – мощнее лучик, толще жгутик. Чем активнее область психополя, тем сложнее спектр и мудренее переплетение жгутиков. В очень редких случаях поле имеет четко выраженный, в данном случае черный, цвет.

Единственное наблюдение не укладывалось в привычные образы – болевой базис не структурировался на отдельные элементы, он выглядел именно монолитным сгустком поля

и при этом совершенно не светился. Он не излучал, но жгутики связывали его со всеми болевыми ощущениями, болевыми центрами. Если его не искать специально, то можно и не заметить – он как черная дыра на фоне светящегося неба, просто ничто, темнота, пустота и все-таки в эту темноту уходят все ниточки.

В твоём распоряжении считанные мгновения, чтобы она не сочла тебя полным идиотом. Ее взгляд завершает плавный взлет и упирается в мое лицо – во взгляде удивление, легкое любопытство, озабоченность. Кто я такой? Хм, мужчина! И что с ним делать?

Легонечко касаемся базиса – ресницы воблы удивленно вздрагивают. Почувствовала, это наверняка. Пробуем еще раз также легонько – ресницы взлетают, как вспугнутые бабочки, глаза широко и удивленно распахиваются. Где-то даже и на девушку похожа стала.

– Меня Сеней зовут, а вас? – заполняю затянувшуюся паузу, так и не получив ответ на вопрос про библиотеку.

Явно удивлена странной реакцией своего сознания на встречу со мной, пропускает слова мимо ушей, немного напугана, но причины не понимает, от этого становится еще страшнее. Но это явно не боль, от боли так не улыбаются и в глазах не появляется такой жаркий призыв. Хотя..., если она мазохистка, то все возможно!

Эй, а вдруг это любовь с первого взгляда? Ишь как сердечко то зашло! Ее горящий не слабым интересом взгляд

впивается в меня, как гарпун в кита. Теперь я понимаю выражение «есть глазами» : прямо сейчас она меня тем самым взглядом раздевает и пожирает заживо. Черт, угораздило же связаться с аналитиком, еще не поздно прекратить и направиться в медблок к сестричкам.

Плевать! Будь она хоть сто раз аналитиком, у нее просто не хватит времени сопоставить причины и следствия, чтобы сделать правильные выводы. Делай дело или дерьмо накроет с головой, как любил говорить мой знакомый сантехник дядя Ваня из той далекой прошлой жизни.

Попробуем немного увеличить воздействие, чуть-чуть, самую малость, чтобы проверить действенность. Один шаг вперед и глубже, давай! Черт, перестарался! Девица вздрогнула, как от удара электротоком, ее тело выгнулось в конвульсиях, с губ вырвался стон, протяжный, звериный. Пальцы скрючились, словно готовясь вцепиться в добычу, глаза, прикрытые поволокой, неотрывно смотрели на меня, губы кривились в странной гримасе. И тут она кинулась на меня! Неужели сумела догадаться, кто стал причиной боли? Нужно делать ноги!

Ух ты! Она что, восточными единоборствами занимается? Может она такой же аналитики, как я сантехник? В одном движении успеть сделать мне четкую подсечку, рвануть ширинку, вырвать самое драгоценное, что есть у мужчины на свободу и свалить меня на пол. Хотел бы я знать, что за стиль она изучала – никак не меньше, чем шестой дан

по сексуальному кун-фу.

Девушка налетела на меня голодной тигрицей, оскалилась, и впилась в мои губы истинно вампирским, то есть последним предсмертным поцелуем. Я приготовился умереть, как вдруг понял, что это не звериный укус, а поцелуй, страстный поцелуй и тотчас же ощутил ее руку у себя между ног. Ну, ничего себе! Что за дела? Она без стеснения ухватилась за мое достоинство, страстными движениями приведя его в боевую готовность.

Я просто ошалел от неожиданности, какой к черту анализ, мне бы вырваться из ее лап. Но в девушку словно бес вселился. Ее руки, ведомые бешеной страстью, рвали одежду в клочья. Ей не терпелось добраться до горяченького. Пользуясь моим замешательством, она сорвала с меня последнюю мешающую тряпку, и моментально оседлала меня, исторгнув страстно-звериный стон в момент, когда моя отвердевшая плоть проникла вглубь ее девственно тесного лона.

Если я срочно не предприму решительных мер, она меня точно изнасилует, испуганной мышкой мелькнула трусливая мысль. Только бы успеть освободиться и смыться до того, как кто-нибудь увидит нас посреди коридора в таком виде и в таком положении.

Вот же вобла, вот же старая дева, кто бы мог подумать, лихорадочно думал я, сотрясаемый ее страстными движениями. Ее нерастраченная за долгие годы девичества женская страсть выливалась на меня и мою плоть. Я чувствовал се-

бя сваей, которую усиленно заколачивают в бетон, настоль-
ко сильными были удары горячего тела. Господи, да ведь я
сейчас кончу, но это ее вовсе не озаботит, с ужасом понял я.

Нужно срочно что-то делать, пока меня не поглотила эта
страсть, пока я сам не оказался в ловушке сексуального воз-
буждения. Все мои способности психосенса высшей катего-
рии оказались парализованными обычной случкой. Супер-
мен хренов, быстрее принимай решение, пока тебя не пре-
вратили в яичницу с грудинкой.

Быстренько синхронизируйся, постарайся отвлечься
от... ой, мама, да сколько же можно... есть контакт, быстрее
ищем базис. Ага, понятно. Поздравляю тебя, Шарик, ты иди-
от! Единственная польза от ее девственности заключалась
в боли причиняемой каждым ее движением. Но эта боль рас-
паляла ее, доставляла удовольствие, заводила еще больше.

Болевые сгустки уводили свои жгутики вовсе не туда, ку-
да я направил первоначальный удар, хотя и очень близко,
буквально по касательной. Более того, я увидел два бази-
са. Первый, окруженный плотным облаком активных сгуст-
ков и второй, мерцающий точками. Первый – огромный, вто-
рой – значительно меньше, попавший в поле первого. Значит
базис, который я тронул, не имел отношения к боли.

Здрасьте, тетя, Новый Год! Я не собирался его искать,
но нашел там, где и не собирался. Сексуальный базис, черт
поberi! Это конечно здорово и интересно, но сейчас я бы
с удовольствием его загасил. Дайте ведро валерьянки и влей-

те этой сексуально озабоченной волчице всю дозу.

Попробуем «ударить» ее болью, может она отключится, потеряет сознание на время. Согласен, не гуманно, а что делать? Я бы посмотрел на этих гуманистов, когда бы они попали в мое положение. Удар! О, Господи, она меня прикончит!

Болевой базис выплеснул рой маркеров, которые тотчас же были поглощены сексуальным базисом. Их энергия тотчас же трансформировалась и вылилась на меня новым бешеным напором страсти. Все, крошка, мирные действия закончились, я не резиновый дедушка. В конце концов, меня можно порвать такими приставаниями.

Всей силой я «ткнул» в сексуальный базис, правда, по глупому капризу воображения сделал это почему-то не «пальцем». В другой ситуации я бы покраснел и извинился, но пока мне не до реверансов – под угрозой оказалась целостность некоторых моих самых любимых достопримечательностей организма.

Девушка вздрогнула от ментального удара, глаза ее распахнулись как окна в вечность, она судорожно выгнулась всем телом, и вдруг обмякла, свалившись на меня безжизненной куклой. Я осторожно потрогал пульс на ее шее, прислушался к дыханию. Ничего страшного – просто глубокий сон, естественная реакция на хороший секс. Я бы даже скромно добавил, на очень хороший секс, но скромность не позволяет называть себя сексуальным гигантом.

Осторожно свалив спящую девицу на пол, я с трудом встал, и на дрожащих ногах поковылял по коридору в чем мать родила, чтобы выглянуть за угол. Не до антуража сейчас, мне бы смыться побыстрее. Если повезет, я и так доберусь до своей комнаты. Хотя шалишь, Сеня, ты то доберешься, а потом обнаружат эту сумасшедшую самку в голом виде посреди коридора, посмотрят, почешут в затылке, и зададутся вопросом: «Откуда это у нас на станции такие причуды?» Затем девице дадут нюхнуть нашатырю, зададут парочку наводящих вопросиков, и придут по твою душу, сексуальный маньяк хренов.

Пока эти нездоровые мысли оформлялись в сознании, я успел таки добраться до поворота и осторожно высунуться. Облом, полный облом – за углом шагах в двадцати появилась парочка охранников, и не спеша потопала в нашу сторону. Абзац, дисбат за изнасилование на рабочем месте.

Хотя, господин прокурор, нужно разобраться, кто кого изнасиловал! Ах, я же мужчина? Должен понимать?! Ясно, закуйте меня в цепи, отправьте на урановые рудники, чтобы я заработал вечную импотенцию! Так тебе и надо, тупица! Кто же с нежными девушками так обращается, гамадрил бамбуковый?

Теперь нужно как-то спрятать эту чертову бабу в укром-

ном местечке, оптимально в ее комнате, и самому найти хоть какую-нибудь одежду, чтобы не выглядеть как потерпевший от бандитского нападения.

Сказать легко, кто бы помог? А что это за дверца такая интересная? Тысячу раз проходил мимо, и ни разу меня этот вопрос не заинтересовал. Не закрыта, странно. Где у нас тут свет включают? Ага, есть свет – швабры, ведра, краны, коробки. Ясно – комната уборщиков, не рай в шалаше, но в нашем положении вполне милое убежище.

Быстренько затаскиваем бесчувственное тело в комнату, собираем тряпки, приводя место любовных утех в относительный порядок, аккуратно закрываем дверь, чтобы не сильно шелкнул замок, подпираем ручку шваброй, и гасим свет. Нам лишний интерес ни к чему. Уф-ф-ф, успел! До слуха донеслись мерные шаги охранников, как раз в этот момент выруливших из-за угла. Не дышать, не шевелиться, застыть как изваяние. Топайте, ребятки, мимо! Тут вам делать нечего!

Идут, лениво болтают, солдат спит – служба идет, нормальная жизнь. А чего суетиться, тут два года служим и ничего не происходит. Кормежка как на убой, спи без забот и тревог полуночных, захотел размяться, беги в спортзал. Да о такой службе мечтать можно.

Мечтать можно, если не знать, что в конце службы дырка в башке и безымянная братская могила. Зря что ли кормят как на убой? На убой и кормят, касатики, только меньше

знаешь – крепче спишь. Так что шагайте себе дальше, не мешайте добрым людям делать всякие дела!

Хр-р-р! О, Господи, она еще и храпит! Я нащупал в темноте лицо девицы и осторожно повернул ее голову, храп прекратился. Вот же повезет кому-то на такой жениться, да с такой в радиусе ста метров не заснешь! Очень надеюсь, что охранники девичий могучий храп не услышали.

Зря надеялся. Шаги замерли рядом с нашей каморкой, охранники попытались покрутить ручку, подергали дверь. Молодец, Сеня, что догадался ручку подпереть, вот бы сейчас немая сцена была – Адам и Ева вышли из рая.

– Швабра упала, – решили охранники, не добившись от двери сотрудничества, и спокойно отправились дальше.

Разгильдяи, ленивые, тупые солдафоны, мышечная масса с приставкой для принятия еды «унутрь». За что вам жалованье платят и кормят как в ресторане? Да у таких охранников ракету с ядерной боеголовкой сопрут, а они только почешутся: «Швабра упала».

Если вы подумали, что я ругаюсь, то очень ошиблись. Молодцы, круто, так держать! Будь на их месте бдительный и недоверчивый солдатик, дверь давно бы открыли, взломали, взорвали, но выяснили, отчего это из закрытого помещения доносятся странные звуки. Будем считать, что везение пока на моей стороне. Знать бы, сколько времени я могу чувствовать себя в относительном покое. Ну, да знал бы прикуп, жил бы в Сочи!

Пора включать свет и ознакомиться с нашим боезапасом. Девица даже не шевельнулась, когда под потолком вспыхнул яркий свет. Слишком уработалась на ниве любви, теперь ее танком не разбудишь. Придется тащить ее до кровати на закорках. Как только объяснить это всем встречным? Типа – вот нашел, в коридоре валялась, дай, думаю, отнесу в постельку. Вот же ситуация.

Ладно, об этом позже, сперва одежда. В порыве дикой неконтролируемой страсти девица постаралась уничтожить практически всю нашу одежду, разорвав ее в клочья. Откуда столько силы в этом худеньком теле? Воистину, коня на скаку остановит, в горящую избу войдет. Эту бы энергию в мирное русло.

Кто первый сказал, что это непривлекательная сушеная камбала, для которой слова любовь и секс ругательные? Это же мечта Казановы, хотя я не уверен, что знаком с его вкусами. Я откровенно любовался той, которую считали самой непривлекательной женщиной базы. Очки затерялись где-то среди тряпья, некогда бывшего нашими одеждами. Волосы распустились и легли мягкой волной на плечи. Прядки на лбу спутались и склеились, но не портили общего впечатления. На лице ее расплылось полное умиротворение и покой.

Мои глаза с любопытством пробежались по обнаженному телу девушки. Из-за маленьких грудей и узких бедер фигурой она напоминала девочку-подростка, которую в брюках

можно принять за мальчика. Глядя на нее, трудно представить, что это взрослая женщина, способная к умопомрачительному сексу. С другой стороны, отметил я, чувствуя естественное любопытство, тут есть на что посмотреть. Взгляд непроизвольно скользнул по телу, с детским нетерпением «фотографируя» весьма сексуальные подробности обнаженного тела.

– Стоп! – завопил пессимист. – Ты что себе позволяешь, охламон? Ничего не напоминает гоп-стоп с изнасилованием?

Глупости! Мы же буквально близко знакомые люди, почему бы мне не поинтересоваться некоторыми интимными подробностями своей неожиданной подруги?

– Охламон, девушка спит, а ты пользуешься ее беспомощностью, как маленький, – не унимался внутренний надсмотрщик. – Нет, чтобы укрыть чем-нибудь, так он любит женскими прелестями и всякие глупости замышляет.

Ага, укрыл, как же – тут не склад и не гардероб. Если кто не понял, то мы в заповеднике тряпок, ведер и швабр. Хотя стоит покопаться, вдруг хоть что-то пригодное обнаружится случайно. Где-то в глубине души я человек добрый и заботливый, хотя в последнее время не выпадало случая на ком-то это продемонстрировать.

– Ну, так и займись! – очнулся от спячки оптимист. – Самое время проявить свои лучшие качества на уже достаточно близком тебе человеке!

Сложно не согласиться с такими железными аргументами.

Кроме ведер, швабр и пылесосов я обнаружил в комнатке большую двухэтажную тележку и несколько вешалок с одеждой. Есть идея – изображая уборщика, доставляем бесчувственное тело в комнату обитания и потом резко делаем ноги.

Девушку будем транспортировать скрытно, по этой причине для нее главная задача не замерзнуть и не прийти в себя раньше времени. В комнате у себя очухается, сама себя умоет и оденет. Надеюсь, не будет особенно орать, и распространяться о новых и неожиданных ощущениях в организме. А ежели через девять месяцев будут последствия, так сама и виновата – нечего на мужика кидаться, не озаботившись предохранением.

Стараясь не отвлекаться на глупости, натянул на случайную любовницу условно чистые штаны и майку. Для себя любимого выбрал самый чистый халат и, главное, натянул кепку по уши, так что лицо оказалось практически скрытым под длинным козырьком, особенно если идти, угрюмо глядя в пол.

Как я люблю худеньких женщин, кто бы знал. Я сам только сейчас осознал это в полной мере. Их так легко кантовать в бесчувственном виде из одного места в другое. Нет проблем спрятать между совсем небольшими предметами на самой малой площади. Просто фантастически люблю крепко спящих худеньких женщин, бормотал я себе под нос, затаскивая девушку на тележку.

Как смог компактнее уложил девицу на нижнюю полку, пристроив между брикетами с туалетной бумагой и бумажными полотенцами. Умилился – прям котенок свернулся калачиком и сопит носиком, но тотчас же одернул себя, напомнив в какой ситуации мы с ней находимся.

Прикрыл девицу первым подвернувшимся одеялом, и бросил для антуража на верхнюю полку несколько пакетов с моющими средствами. За дверями тишина? Карета, на выезд!

Стоп! Какой на выезд, ты куда собственно говоря, собрался ее везти? По коридору налево и там будем таблички читать? Так нет там никаких табличек, только номера безликие! Будешь спрашивать у прохожих: «Извините, вот такая дамочка, в котором номере проживает?»

Бэйджик! У нее на лацкане пиджака болтался бэйджик с ее персональными данными, такие все на базе таскают, кто снаружи цепляет, а кто в кармане прячет. Ага, пойди-найди тут ножичек! Не одежда, а куча тряпья, сильно повезет, если этот треклятый бэйджик не остался там в коридоре. Вот, вот он, повезло! Чмок, чмок, чмок, маленький кусочек пластика. Теперь мы все про тебя знаем, госпожа э-э-э... Эвелина Петухова, дай бог здоровья твоим родителям, придумавшим при такой фамилии столь заковыристое имечко.

Осторожно щелкнув замком, я быстро распахнул дверь и высунул зад, обтянутый комбинезоном обслуживающего персонала в коридор. Все, порядок, первый самый важный

шаг сделан. Теперь в моем поведении нет ничего необычного – я обычный уборщик, который отправился куда-то по своим уборщицким делам, чтобы все было по-уборщицки... тьфу, бред какой-то! А ведь ты нервничаешь, Джеймс Бонд Урюпинского уезда! Спокойно, Сеня, прорвемся!

До самой комнаты Эвелины мы прошли в скорбном одиночестве. Ни одна собака не ринулась нам навстречу, никто не поинтересовался, почему уборщик бродит в неурочное время по служебным помещениям. И уж тем более никто не сделал большие глаза, увидев, как он закатывает грязную телегу в жилую комнату.

Самое обидное, это когда готовишься, стараешься, наряжаешься, а гости бац и не пришли – так и сидишь, как дурак с помытой шеей. Обидно, конечно, такой актерский запал пропал впустую. Я, можно сказать, рожден для сцены, а кто оценит?

Пижон ты, Сеня! Пижон и пошляк! По твоей милости девушка теперь уже не девушка, а быть может даже мать твоего будущего ребенка. А ты ее сваливаешь с тележки, как тюк с тряпками и довольно бесцеремонно раскладываешь на кровати. Одеялом укрой, песенку колыбельную спой!

Ага! Ты еще приляг рядышком, чтобы спокойно уснуть. И пусть весь мир подождет! Где-то мы это уже слышали, только миру обычно совершенно наплевать на наши пожелания. Мир никому ничего не должен и никого ждать не будет. Земля провернется вокруг оси и унесет вдаль все, что тебе

дорого. Раздавит бабочку под колесом истории, равнодушно заглянет в глаза умирающего старика, не отзовется на зов за-будшего, не порадует за счастливого.

Ты сам творец своих радостей и печалей. Мир для тебя – это близкие тебе люди, а они не могут подождать. Так что глупости все это. Поменьше лирики, Сеня, нам еще спастись этот самый мир, между прочим, а ты тут в философию ударился! Так что спи, Эвелина, душа моя. Закончится вся эта заваруха, тогда и займемся с тобой настоящей любовью, а не этим эротическим бодибилдингом. Если, конечно, к тому времени ты, милочка, не найдешь себе новый тренажер для секса.

А телега? Телегу нужно вернуть на место! По возможности вернуть шмотки, чтобы не возбуждать расследований на пустом месте. Так что снимай, душа моя, одежду уборщицы и оставайся под одеялом в чем мать родила. Оказывается это чертовски приятно раздевать до гола спящую женщину! Кто бы знал, Сеня? Свою одежду долой и... а вот это сильно потом, а пока натянем шорты дурацкого розового цвета и бегом по коридору с телегой. Мне фартило не по-детски – я рысцой пробежал туда и обратно, не встретив ни одной живой души, вернулся в комнату Эвелины и замер в раздумьях – что дальше? В таком виде будет сложно добратсья до своей комнаты, но как получить требуемое, находясь в другом конце базы?

Кстати, пока моя возлюбленная спит сном невинного мла-

денца, комната в полном моем распоряжении. Пять минут спокойного отдыха и размышлений стоят часового маршброска в неизвестность, по крайней мере, это утверждал какой-то там великий полководец.

Я уселся в кресло и впал в глубокую задумчивость. Пора уже проанализировать накопившиеся факты. В сознании спецов я не обнаружил сексуального центра по той простой причине, что многочисленные болевые маркеры прямоком выводили меня на болевой базис. К тому же боль для них дело более частое, чем секс. Поэтому секс не вызывает у них той бури эмоций, которую я к своему удивлению, обнаружил у Эвелины.

Эвелина – девушка хрупкого телосложения, по этой причине должна тщательно оберегать себя от всякого рода опасностей или быть под надежной защитой, которая гарантирует отсутствие опасности и боли. Ее болевой базис не развит, нет боли – нет необходимости увеличивать базис.

Хотя, если так рассуждать, то и сексуальный базис не мог развиваться в ее сознании по причине полного отсутствия секса. Тогда почему он так развился? Или это особенность построения исключительно женской базисной системы? Мужчины ориентированы на боль, женщины на секс. Первые охотятся, воюют, защищают. Вторые беременеют, рожают, забо-

тятся о потомстве.

Примем как рабочую версию, для более точных выводов нет опытных данных. Но какие-то выводы я должен делать, чтобы двигаться вперед? Видимо я сильно задумался, не сразу заметив, что Эвелина проснулась и с огромным удивлением смотрит на меня подслеповатыми глазами, в которых большими буквами светится вопрос: «Ты кто?!»

Ей хватило ума и выдержки, чтобы не заорать благим матом, за что я тотчас сказал ей «Спасибо!»

– Что?

– Я говорю, спасибо!

– За что?

– За то, что ты не заорала благим матом.

– А я должна была?

– Десять девушек из десяти это сделали бы немедленно, – грустно заметил я.

– Значит, по-вашему, я не девушка? – наморщив лоб, заинтересовалась она ехидным голосом.

– Хм-м-м, – смутился я, – а ты как думаешь? После того, что у нас было...

– Кстати, я не помню, чтобы мы переходили на ты и что это, по-твоему, черт возьми, у нас с тобой было? – совершенно нелогично перешла на «ты» Эвелина.

– Ты серьезно ничего не помнишь? – с тайной надеждой спросил я, – Такое... – я помахал в воздухе пальцами, – трудно не запомнить.

– Так, даю пять секунд на объяснение, после чего, как ты любезно подсказал, ору благим матом!

– С чего бы это? Ну, сию и сию себе, может, ты сама меня пригласила? Вдруг свидетели есть? Заорешь, набежит народ, получится очень неудобно, особенно учитывая в каком ты виде, – я улыбнулся, представив себе эту сцену.

– Я. Тебя. Пригласить. Никак не могла! – отрезала она, делая четкие акценты на каждом слове. В ее глазах разгорался опасный огонек.

– Тогда как я оказался в этой комнате, по-твоему? – когда не знаешь, что ответить, задавай вопросы.

Атака, лучшая защита. Почему, собственно говоря, я должен сам выдумывать причину своего появления здесь?

– Ну... я... ты... – смутилась она, – мы что много выпили? – неожиданно спросила она, – Я почему-то совершенно ничего не помню, – огонек погас также внезапно, как появился, сменившись неуверенной улыбкой

Выпили? – а чем не идея.

– Ну да, выпили, повеселились, потом ты пригласила меня к себе! – вдохновенно врал я.

– И...?

– Слушай, я как то не привык рассказывать о таком, э-э-э, как бы это сказать помягче? Ну-у-у, если ты действительно ничего не помнишь... – я изобразил сомнение в голосе. – В общем, мы с тобой буквально полчаса тому назад предавались страстной любви! А потом ты уснула, как младенец, –

я широко улыбнулся и развел руками, мол вот так вот получилось.

– Ложь! Наглая ложь! – она задохнулась от возмущения и попыталась вскочить с кровати, чтобы отдубасить меня, по всей видимости.

Ее попытка закончилась неудачей, она слабо ойкнула и, схватившись за низ живота, осела на кровати. Ее глаза налились слезами, носик покраснел, а плечи затряслись от подступающего плача.

– Что ты со мной сделал, подонок? Ты... меня... из.. из... изнасиловал? – с трудом высказала она страшное предположение.

– Вот только не надо! Это еще нужно посмотреть, кто кого изнасиловал! – начал оправдываться я.

– По-твоему получается, что это я накинулась на тебя и сама довела себя до такого состояния? – она прижала ладошки к низу живота.

– Ага! – честно признался я, оставив в стороне причину такого ее странного поступка, – Если бы я... то есть ты не уснула, то меня бы сейчас откачивали в реанимации. Ты случайно не сексуальная маньячка? – я попытался превратить трагедию в фарс.

– До сих пор не замечала за собой таких привычек! – сухо отрезала она, – И где моя одежда?

– Извини, дорогая, ты порвала нашу одежду в клочья, поищи в шкафу что-нибудь взамен. Кстати, я не откажусь

и от приличных штанов для себя.

– Я порвала? То есть совсем всю? В ключья? И ты видел меня голой?

– Видел, – с виноватым, но явно довольным видом кивнул я, умолчав, что не только видел, но еще и разглядывал.

– И как?

– Что как?

– Тебе понравилась? Как я вообще, в твоем вкусе? – она смотрела на меня с искренним интересом.

– Ты соображаешь, что несешь? – от возмущения я чуть не подавился. – Тут такое с тобой случается, а тебе интересно, как ты при этом выглядела. У тебя точно ничего в голове не сдвинулось?

– Слушай, но ведь ЭТО уже произошло. Я не могу ЭТО изменить, почему бы мне не поинтересоваться у мужчины, который проделал со мной ЭТО, как я ему понравилась? Что тебе кажется странным в этом вопросе? – в ее голосе звучала железная логика мамочки, уговаривающей ребенка скушать еще немного каши.

– Кх-м-м, – откашлялся я, чтобы иметь хоть какое то время на обдумывание ответа, одно неверное слово и станешь врагом на всю жизнь, – Понравилось... Ты значительно привлекательнее без этих дурацких очков, с распущенными волосами и особенно без одежды.

– Даже так? – от ее испуга не осталось следа. – Чем тебе моя одежда не понравилась? Между прочим стоит весьма

дорого, могу себе позволить.

– Если хочешь отпугнуть мужика, то самое то. Маскировка, камуфляж природных качеств отработаны на пять с плюсом.

– Сам дурак! – обиделась она.

– Ты спросила, я ответил, чего обижаться? Честное слово, ты попробуй юбочку короткую, блузочку прозрачную. У тебя фигура королевы, что ты себя в эти костюмы хоронишь?

– Тебя не спросила, – она надулась и хлюпнула носом.

Хочешь как лучше, а получается как всегда. Кто тебя за язык тянул, дурак? Хочет женщина ходить в парандже, пусть ходит. Чем бы дитя не тешилось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.